

Изъ секретнаго доклада

О причинахъ неудачи борьбы съ большевиками на
сѣверо-западномъ фронтѣ

1919 годъ былъ для всѣхъ русскихъ патриотовъ, чаявшихъ возрожденія Единой Великой Россіи изъ пепла большевизма, годомъ самыхъ тяжелыхъ разочарованій. Въ началѣ года Колчакъ, хотя и отступилъ отъ Вятки и Перми, но твердо держался на Уралѣ. Деникинъ подготавливалъ свое наступленіе съ юга и продвинулся до линіи Кіевъ-Курскъ-Царицынъ.

На сѣверѣ ген. Миллеръ, поддерживаемый англичанами, продвигался медленно, какъ казалось, на соединеніе съ Колчакомъ. На западѣ боролись съ большевиками поляки, литовцы, латыши съ помощью германскихъ оккупационныхъ войскъ и астонцы съ помощью вновь сформированной сѣверо-западной русской арміи ген. Юденича. Финляндія уже въ 1918 году очистила свою территорію отъ красныхъ и твердо обороняла свои границы. Кольцо вокругъ Совѣтской Россіи, какъ будто, смыкалось и надежды на скорое освобожденіе Петрограда и Москвы казались основательными.

Но вмѣсто того, большевики въ этомъ генеральномъ сраженіи, ведомомъ на четыре фронта, оказались побѣдителями и къ началу 1920 года вся Россія и Сибирь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отколовшихся окраинъ, оказались вновь въ рукахъ Совѣтскихъ властей.

Не мѣсто здѣсь изслѣдовать причины развала, такъ называемыхъ, бѣлыхъ армій, не мѣсто здѣсь вводить на кого бы то ни было своихъ или чужихъ обвиненія — объ этомъ вынесетъ свой приговоръ безпристрастный историкъ, а не участникъ въ этой борьбѣ, какимъ является докладчикъ.

Задача этого доклада — зафиксировать событія послѣдняго года на побережьи Балтійскаго моря, чтобы дать будущему историку матеріалъ для того, чтобы обратиться въ тѣхъ чрезвычайно сложныхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали событія на этомъ, такъ называемомъ, сѣверо-западномъ фронтѣ.

Во время великой всемірной войны Прибалтика являлась второстепеннымъ театромъ войны, но была въ то же время важнымъ плацдармомъ для обороны Петрограда и всего праваго фланга нашего западнаго фронта.

Въ Апрѣлѣ 1915 года германцы взяли Либаву и продвинулись въ Курляндію до линіи рѣки Впядавы. Въ Іюлѣ они предприняли энергичное наступленіе своимъ лѣвымъ флангомъ и послѣ тяжелыхъ боевъ за обладаніе узловымъ пунктомъ, Шавлями, продвинулись до рѣки Курляндская Аа, занявъ губернской городъ Митаву.

Въ Августѣ шли бои вокругъ горъ Вильны, во время которыхъ германская кавалерія произвела глубокой прорывъ у Свѣнцианъ. Послѣ удачной ликвидаціи

нами этого прорыва, наша оборонительная линия твердо укрепилась по линии озеро от Дрисвяты до Иллушта, затем по реке Зап. Двина с сохранением сильных предместных укреплений на западном берегу этой реки впереди Крейцбурга и Иксуля и большого плацдарма на западе от Риги в знаменитых болотах Тируль. Война из полевой обратилась в позиционную и наши 12-ая, 5-ая и 1-ая армии держали крепко означенную линию два целых года.

В 1917 г. наступила революция, повлекшая за собою развал наших армий с печальным явлением братания на фронте. Без всяких особых причин нами было оставлено Иксульское предместное укрепление с знаменитым «Ориным гнѣздом», об которое до тех пор разбивались все попытки немцев к наступлению. Это событие послужило сигналом к общему ослаблению линии, обороняемой нашей 12-й армией.

1 Сент. (нов. ст.) германцы у Иксуля предприняли переправу через реку Зап. Двину. Наша артиллерия героически защищалась, но не поддержанная пехотой, покинувшей позиции, не могла задержать германцев, которые, переправившись, угрожали Риге обходом с тыла.

Наши войска, стоявшие впереди Риги, обойденные с тыла, едва успели в поспешном и беспорядочном отступлении через гор. Ригу вырваться из этого охвата; но внутренний порядок частей и связь между собою были нарушены и отступление на восток от Риги приняло характер панического бѣгства с потерей всего имущества и с производством грабежей и насилия на всех путях отступления.

Армейские комитеты и комиссары тщетно старались восстановить порядок, большевистский элемент в армии взял верх и привел к полному ее развалу.

Отступавшая в беспорядке армия остановилась только тогда, когда выяснилось, что германцы вовсе ее не преследуют и что между нею и неприятелем образовалось пустое пространство верст в 20—30. Армия заняла так называемые Венденские позиции, но последствия ее разгрома выразились в значительном усилении большевистского влияния во всех ее комитетах, приведшем вскоре к полному ее разложению.

Вслед за взятием Риги последовал в том же Сентябре второй удар со стороны неприятеля. Занятие острова Эзеля германцами представляло угрозу всему нашему правому флангу и даже столицѣ. Во всякое другое время это событие считалось бы чрезвычайно серьезным, но «товарищам» было не до этого. Правительство Керенского, это «крупнейшее недоразумение русской революции», как остроумно выразился Троцкий, со дня на день теряло под собою почву и безболѣзненно уступило место правительству Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

Начался период большевизма, ознаменованный заключением перемирия с германцами. Начались переговоры, принявшие в декабре 1917 г. и в январе 1918 г. затяжной характер.

Военные события тяжело отразились на населении Балтийского побережья и разорили страну до самого основания ее экономической и политической жизни.

После захвата власти большевиками условия в Прибалтике еще ухудшились, все болѣе приближаясь к анархии. Можно ли тут удивляться, что все местное население всех национальностей, стоявшее за порядок, с нетерпением ждало прибытия немцев.

18 февраля 1918 г. немцы начали быстро наступать на северо-восток от своих рижских позиций. Армию охватила паника и солдаты бѣжали, бросая на

мѣстахъ орудія, обозы и все имущество, которое они не успѣли распродать. Сравнительно лучшую дисциплину сохранили латышскіе полки. Сформированные еще въ 1916 году по инициативѣ латышскаго члена Думы Гольдмана для защиты родного края, они храбро участвовали въ оборонѣ Риги и въ началѣ января 1917 г. при трескучемъ морозѣ въ 30 градусовъ прорвали германскія позиціи и дошли до предмѣстевъ гор. Митавы, произведя тревогу по всему германскому фронту. Но нѣмцы сумѣли ликвидировать этотъ прорывъ.

Въ началѣ революціи эти полки сохранили нѣкоторую долю дисциплины и даже извѣстнаго монархическаго чувства. Разложеніе ихъ шло медленно остальнымъ частямъ 12-ой арміи. Даже большевикамъ они заразились позже, но зато, отступивъ отъ нѣмцевъ въ февр. 1918 г. за предѣлы родной земли, сдѣлались самыми ярыми защитниками Совѣтскаго Правительства, оставаясь и тамъ наиболѣе дисциплинированными частями красной арміи. Они сдѣлались тѣлохранителями Ленина въ Кремлѣ и исполнителями самыхъ террористическихъ приказаній Троцкаго.

Сила ихъ при отходѣ изъ Лифляндіи была въ 8 полковъ, въ совѣтской Россіи число это было удвоено. Полки до 1918 года были трехбатальоннаго состава, изъ коего одинъ батальонъ былъ резервный.

Одновременно съ отступленіемъ арміи изъ предѣловъ Прибалтійскаго Края бѣжали и большевики, успѣвъ предварительно арестовать болѣе 600 лицъ обоюго пола, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословіи и національностей въ видѣ заложниковъ для огражденія оставшихся въ странѣ большевиковъ отъ карательныхъ репрессій германцевъ, т. к. продвиженіе послѣднихъ имѣло болѣе характеръ карательной экспедиціи, чѣмъ военнаго похода. Заложники въ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ были вывезены въ Сибирь и размѣщены по тюрьмамъ въ Красноярскѣ и Екатеринбургѣ. Только въ Апрѣлѣ (1918 г.) на основаніи спеціальной статьи Брестъ-Литовскаго договора эти заложники были возвращены изъ Сибири въ Прибалтійскій Край.

Начался періодъ германской оккупации. Къ чести оккупационныхъ властей слѣдуетъ сказать, что спокойствіе и безопасность были быстро восстановлены; пути сообщенія были приведены въ исправность и изъ Берлина черезъ Ригу и Ревель было установлено до Гельсингфорса сравнительно быстрое и удобное сообщеніе. Города пообчистились послѣ большевистскаго режима и жизнь стала протекать въ болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ. Но этого же, къ сожалѣнію, нельзя было сказать объ экономической жизни. Война, эвакуація, большевизмъ и оккупация въ конецъ разорили страну, и германскія оккупационныя власти оказались не на высотѣ, для восстановленія мало-мальскихъ нормальныхъ условій. Необыкновенно тяжело ложились на, и безъ того разоренное, сельское населеніе постоянныя повторныя реквизиціи лошадей, скота, хлѣба, молочныхъ скоповъ, шерсти, фруктовъ и яицъ. Все отбиралось по невѣроятно низкимъ цѣнамъ, не оставляя земледѣльческому населенію достаточно для существованія. Очевидно, продукты скрывались и настроеніе населенія противъ оккупационныхъ властей со дня на день ухудшалось. Этому способствовало еще то обстоятельство, что весь низшій персоналъ мѣстной германской военной администраціи оказался склоннымъ къ ваяточничеству и вымогательству. Даже и среди офицеровъ были многіе, оставившіе въ этомъ отношеніи печальную по себѣ славу. Необыкновенно озлобленно населеніе то обстоятельство, что всѣ германскіе военно-служащіе отправляли постоянно почтою къ себѣ домой посылки съ продуктами, которыхъ и безъ того едва хватало въ странѣ. Даже многіе бывшіе ярые германофилы начали желать возвращенія въ страну старыхъ русскихъ порядковъ.

Международное положеніе прибалтійскихъ губерній, несмотря на Брестъ-Литовскій миръ, оставалось неопредѣленнымъ. Германское имперское Правительство вслѣдствіе разлада германскихъ политическихъ партій не могло найти удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса. Между Курляндіей, завоеванной равьше, и территоріей, занятой въ 1918 году, дѣлалось различіе. Въ вопросѣ присоединенія Курляндіи къ Германской Имперіи въ формѣ личной уніи съ Пруссіей или особаго герцогства, мнѣнія въ Германіи мало расходились, остальной же территоріей они скорѣе тяготились и желали дать ей самостоятельность подъ протекторатомъ имперіи.

Одинъ очень умный и образованный германскій офицеръ генеральнаго штаба еще въ Апрѣлѣ 1918 г. въ Минскѣ въ разговорѣ сказалъ, что онъ считалъ бы присоединеніе прибалтійскихъ губерній величайшимъ несчастіемъ для Германіи. Онъ высказался въ томъ смыслѣ, что Германія никогда не умѣла справляться съ инородцами и колоніями. «Россія, прибавилъ онъ, тоже этого не умѣла, но она только отъ времени до времени ударами нагайки наносила имъ болѣзненное ощущеніе скоро проходящее, мы же, нѣмцы, дѣйствуемъ на самолюбіе инородцевъ постоянными уколами шпильки и это гораздо непріятнѣе.» Онъ полагалъ, что послѣ возстановленія порядка въ Россіи сѣверную часть Прибалтійскаго Края слѣдовало бы вернуть Россіи съ сохраненіемъ за Германіей лишь Курляндіи. На послѣднюю они всѣ смотрѣли, какъ на страну, особенно подходящую для заселенія нѣмцами изъ избытка населенія имперіи. Въ Курляндіи они чувствовали себя полными хозяевами и предпринимали постройку путей сообщенія, казармъ и фабрикъ на солидныхъ основаніяхъ.

Прибалтійское дворянство стояло на юридической точкѣ зрѣнія, что послѣ торжества большевизма въ Россіи оно уже не связано болѣе присягой, а потому хлопотало о полученіи отъ германскаго правительства возможно болѣе выгодныхъ условій. Хлопоты эти, однако, успѣхомъ не увѣнчались въ виду недовѣрія германскаго правительства, подпавшаго подъ сильное вліяніе лѣвыхъ партій Рейхстага, къ слишкомъ консервативнымъ тенденціямъ дворянскихъ корпорацій. И тутъ послѣдовало для Балтовъ одно разочарованіе за другимъ. Всѣ ихъ надежды рушились въ моментъ паденія германской монархіи, совпавшаго съ заключеніемъ общаго перемирія съ державами согласія.

Оккупационная армія на русскомъ фронтѣ уже давно была заражена большевизмомъ и только слѣпые не хотѣли видѣть, что уже съ момента заключенія мира съ большевиками (Мартъ 1918 г.) ядъ большевизма заразилъ солдатъ. Уже задолго до германской революціи солдаты, въ особенности въ тылу, стали по своему наружному неряшливому виду походить на своихъ русскихъ товарищей. Приказанія офицеровъ исполнялись неохотно и въ ихъ отсутствіи ихъ открыто и громко ругали.

Результатомъ всего этого было, что ноябрьская революція 1918 г. застала германскихъ солдатъ вполне подготовленными къ роли «сознательныхъ товарищей». Началась распродажа ими казеннаго имущества и оружія, каждый торопился нажиться возможно скорѣе и устроиваться такъ, чтобы какимъ нибудь образомъ вернуться на родину. Повторялись всѣ знакомыя картины русской революціи, даже извѣстная прическа нашихъ сѣрыхъ героевъ революціи нашла быстро распространеніе среди нѣмцевъ.

Особенно критическимъ было положеніе германской арміи на восточныхъ окраинахъ. На основаніи дополнительнаго соглашенія между Германіей и Совѣтскимъ Правительствомъ германцы должны были осенью 1918 г. эвакуировать области, лежація восточнѣе границъ трехъ прибалтійскихъ губерній. Сюда входили города Двинскъ и Псковъ съ соединяющей ихъ желѣзною дорогою.

Германское военное командование, хотя и заключило миръ съ большевиками, но не сочувствуя имъ, благосклонно отнеслось къ формированію небольшой русской арміи, поставившей себѣ задачу охранить Псковскую область отъ вторженія большевиковъ послѣ ухода германцевъ. Къ командованію этой арміи предназначался ген. графъ Келлеръ, впоследствии убитый въ январѣ 1919 г. въ Кіевѣ. Но онъ въ Псковъ не прибылъ и командование взялъ на себя ген. Вандамъ.

Германцы снабдили армію оружіемъ и снаряженіемъ и предполагали оставить при уходѣ еще и другое военное имущество, необходимое ей. Но формирование арміи, точно также, какъ и организація Областного Управления, не были окончены къ моменту германской революціи.

Большевики воспользовались беспорядками въ германской арміи и 25 Ноября начали наступленіе на Псковъ. Русская меньшая армія, численностью около 3000 человекъ, занимала позиціи восточнѣе Пскова. Рядомъ съ нею стояли германскія части. Командование русскими силами принялъ на себя за недѣлю до боя полковникъ Неффъ. Положеніе этихъ выдвинутыхъ частей сдѣлалось отчаяннымъ, когда онѣ вдругъ узнали, что германцы не только безъ предупрежденія покинули свои позиціи, но и самый городъ Псковъ, отчасти распродавъ свое имущество, отчасти бросивъ его на произволъ судьбы или, вѣрнѣе сказать, ворвавшихся въ городъ большевиковъ.

При такой обстановкѣ русскія части конечно держаться не могли и имъ пришлось уличными боями пробить себѣ дорогу черезъ городъ и подъ обстрѣломъ непріятеля переправиться отчасти по мостамъ, отчасти на лодкахъ черезъ рѣку Великую на лѣвый (западный) берегъ, бросивъ въ Псковѣ все личное имущество свое и имущество своихъ частей. Большевики же ознаменовали свою побѣду многочисленными разстрѣлами въ городѣ, начиная съ владѣльцевъ гостинницъ и кофеенъ, гдѣ бывали офицеры, и кончая рабочими тѣхъ мастерскихъ и заводовъ, которые работали на армію. По официальнымъ даннымъ, опубликованнымъ въ мѣстныхъ большевистскихъ газетахъ, число ихъ жертвъ въ первые же дни превосходило 300 убитыхъ.

На западъ же отъ Пскова длинными рѣдкими колоннами растянулись отступавшія русскія части, враждебно встрѣчаемыя большевистски настроенными мѣстными жителями. Много отставшихъ было перебито. Въ самомъ плачевномъ состояніи остатки арміи достигли Валка, гдѣ полковнику Неффу удалось ихъ собрать и перейти на эстонскую территорію. Часть же штаба и масса офицеровъ докатились поѣздами прямо до Риги. Такъ какъ большевики, не встрѣчая сопротивленія, быстро двигались и, отбѣсивъ армію полковника Неффа на сѣверъ, заняли Валкъ, то находившіеся въ Ригѣ офицеры и чины Штаба оказались отрѣзанными отъ своихъ частей и при дальнѣйшемъ наступленіи на Ригу большевиковъ уѣхали по желѣзной дорогѣ отчасти въ Либаву, отчасти прямо въ Германію.

Полковникъ же Неффъ въ серединѣ Декабря заключилъ договоръ съ Эстонскимъ Правительствомъ, сосредоточилъ свои части у Ревеля и помогъ отстоять этотъ городъ отъ большевиковъ.

Въ теченіе Декабря положеніе въ Ригѣ дѣлалось изо дня въ день все болѣе критическимъ. Германскія войска категорически отказывались сражаться противъ своихъ русскихъ товарищей, продавали имъ за безцѣнокъ все что могли и уступали имъ за извѣстную мзду одинъ городъ за другимъ.

Въ Ригѣ всполошились, и жители принялись за организацію отрядовъ земской обороны, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ балтійскаго Ландесвера. Наскоро формировались роты латышскія, нѣмецко-балтійскія и русскія. Изъ германскихъ добровольцевъ, желавшихъ поддержать дисциплину въ развалившейся германской арміи, была сформирована такъ наз. Желѣзная дивизія.

Но при общемъ развалѣ, при полной растерянности германскаго высшаго командованія и при полной неподготовленности молодыхъ добровольческихъ частей, задержать наступленіе большевиковъ восточнѣе Риги не удалось. Въ городѣ началась паника. Кто могъ понасть въ поѣздъ, бѣжалъ въ Германію или въ Либаву. Одна изъ латышскихъ ротъ въ городѣ взбунтовалась и была окружена и разоружена другими частями, поддержанными артиллерійскимъ огнемъ съ англійскихъ военныхъ судовъ, стоявшихъ на рѣкѣ Зап. Двинѣ. Въ оборонѣ города флотъ, несмотря на неофициальное о томъ обѣщаніе адмирала, по приказанію изъ Лондона не участвовалъ, но помогъ эвакуировать въ Данію и Англію нѣкоторое количество бѣженцевъ.

2-го Янв. 1919 г. городъ былъ брошенъ на произволъ судьбы и начался четырехъ съ половиною мѣсячный режимъ большевиковъ, ознаменовавшійся чрезвычайно сильнымъ терроромъ.

Отступившія отъ Риги ландесверныя и германскія добровольческія части еще разъ задержались въ Митавѣ на линіи рѣки Курляндской Аа, но 8 Января эвакуировали и этотъ городъ, отступая при невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ снабженія и снаряженія при сильныхъ январскихъ морозахъ до линіи рѣки Виндавы, гдѣ и задержались.

Одновременно въ тылу въ Либавѣ происходило переформированіе всѣхъ добровольческихъ частей и подготовка ихъ къ новому походу. Сюда же прибыло Латвійское Правительство съ премьеръ-министромъ Ульманисомъ во главѣ. Въ виду того, что германцы по условіямъ перемирія обязаны были эвакуировать Курляндію, организація всѣхъ добровольческихъ частей шла отъ имени и за счетъ молодого латвійскаго правительства. Однако, въ виду того обстоятельства, что у этого Правительства не было никакихъ средствъ, Германія согласилась отпускать взаимнообразно Латвійскому Правительству, какъ денежныя средства, такъ и обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе. Германскіе добровольцы и весь командный составъ считались на службѣ Латвіи. По особому соглашенію между представителями Германской Имперіи и Временнымъ Правительствомъ Латвіи, заключенному еще въ Ригѣ 29 Дек. 1918 г. (§ 1) «Временное Правительство Латвіи согласно признать по ходатайству о томъ всѣ права гражданства въ Латвіи за всѣми иностранцами, состоящими въ арміи и прослужившими не менѣе 4-хъ недѣль въ добровольческихъ частяхъ, сражающихся за освобожденіе латвійской территоріи отъ большевиковъ.» Соглашеніе это подписано съ германской стороны Виннигомъ, а съ латвійской Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ К. Ульманисомъ и министрами Р. Паэгле и Я. Залитомъ.

По этому соглашенію германскіе добровольцы, приобрѣтая права гражданства въ Латвіи, несомнѣнно приобрѣтали право на покупку земельныхъ участковъ въ предѣлахъ республики. Впослѣдствіи Латвійское Правительство Ульманиса отказалось отъ исполненія обязательствъ, взятыхъ на себя этимъ соглашеніемъ, мотивируя свой отказъ ссылкой на Версальскій миръ, по которому всѣ обязательства, данныя кѣмъ либо германцамъ или Германіи, считаются недействительными и не имѣющими силы. Такое отношеніе Латвійскаго Правительства къ вопросу вызвало лѣтомъ 1919 года сильное броженіе среди германскихъ добровольцевъ, желавшихъ поселиться въ предѣлахъ Курляндіи.

Одновременно съ переформированіемъ Ландесвера въ Январѣ 1919 г. началось и формированіе русскаго отряда, принявшаго названіе «Либавскій добровольческій стрѣлковый отрядъ», но болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Ливенскаго отряда. День основанія отряда былъ 15-ое Января, когда былъ вынужденъ приказъ № 1. Поводомъ къ формированію его подало то обстоятельство, что въ Либавѣ сосредоточилась

масса русских офицеров-бѣженцевъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ Прибалтійскому Краю, а потому не поступившихъ въ ряды добровольческихъ формированій Ландесвера. Генераль Родзянко уже въ Ригѣ, а затѣмъ въ Либавѣ хлопоталъ объ организациі русскихъ. Вмѣстѣ съ кн. Ливеномъ онъ нѣсколько разъ ѣздилъ къ командирамъ англійскаго флота, сперва къ адмиралу Сан-Клэръ, а затѣмъ къ Сару Коанъ. Встрѣчаемые весьма любеано, русскіе не могли однако добиться отъ союзниковъ, чтобы организациа русскихъ была матеріально поддержана союзниками. Въ виду безнадежности дѣла ген. Родзянко переѣхалъ въ Ревель, гдѣ принялся за переформированіе спасшейся въ Эстонію Псковской арміи, въ составъ которой входилъ и отрядъ Балаховича.

Авторъ этого доклада остался въ Либавѣ и, послѣ безнадежныхъ попытокъ получить помощь отъ союзниковъ, энергично поддержанный группою русскихъ офицеровъ-патріотовъ, оставшихся въ Либавѣ и не послѣдовавшихъ за тѣми, которые бѣжали въ болѣе спокойную Германію, вошелъ въ соглашеніе съ балтійскимъ Ландесверомъ. По этому соглашенію Либавскій отрядъ, не входя въ составъ Ландесвера, обязался временно подчиниться командиру Ландесвера, за что получилъ полное снабженіе, снаряженіе, вооруженіе и довольствіе. Соглашеніе это должно было длиться до момента, когда отряду воаможно будетъ идти на соединеніе съ сѣверозападной арміей, т. е. по предположенію вслѣдъ за взятіемъ гор. Риги.

Отрядъ былъ чисто русскій, принципы его были тѣ же, что и въ добровольческой арміи, т. е. борьба съ большевиками для восстановленія Единой Великой Россіи и для доведенія ея до Учредительнаго Собранія. Въ мѣстную политику Прибалтійскаго края отрядъ не вмѣшивался и въ случаѣ недоразумѣній въ этомъ краѣ обнаался оставаться нейтральнымъ. На службу въ отрядъ принимались только офицеры русской службы и добровольцы русско-подданные, какъ раньше служившіе въ арміи, такъ и не служившіе вовсе. Служившіе раньше въ германской арміи отъ приѣма въ отрядъ были исключены.

Вступавшіе въ отрядъ поступали на дѣйствительную службу Россійскаго государства и обязывались подчиняться всѣмъ уставамъ военной службы и законамъ Россійскаго государства, изданнымъ до 29 Февраля 1917 года. Срокъ службы добровольцевъ обусловливался сроками, введенными въ балтійскомъ Ландесверѣ, т. е. первоначально по 1 Іюня, затѣмъ по 1 Окт. 1919 года. Для офицеровъ служба была по самому смыслу своему безсрочная. О формированіи отряда черезъ русскую миссію въ Стокгольмѣ былъ поставленъ въ извѣстность Деникинъ, которому отрядъ считалъ себя подчиненнымъ, точно также какъ и адмиралу Колчаку. Лишь въ Іюнѣ пришло отъ Колчака офиціальное извѣщеніе, что князь Ливень назначается командиромъ русскихъ стрѣлковыхъ частей въ Курляндіи съ подчиненіемъ генералу Юденичу, какъ главнокомандующему фронтомъ.

Обмундированіе въ отрядѣ было германское, но съ русскими погонами и по иѣрѣ возможности русскими пуговицами. Фуражка имѣла голубой околышекъ съ русской кокардой. На лѣвомъ рукавѣ носилась угловая нашивка бѣло-сине-краснаго цвѣта, а подъ ней бѣлый четырехгранный крестъ.

Численность отряда была ограничена германскимъ командованіемъ, боявшимся усиленія русскаго вліянія въ краѣ, въ 400 человекъ, но даже это число долгое время не могло быть достигнуто. 31 Января 1919 года, когда отрядъ безъ кавалеріи и безъ обоза срочно получилъ задачу занять къ сѣверу отъ Либавы фронтъ въ 30 верстъ, отъ имѣнія Априкенъ Газенпотскаго уѣзда до Сакенгаузена на берегу моря, боевой составъ его былъ всего 65 штыковъ.

Дѣйствительно, положеніе Либавы въ эти дни было критическимъ. Большевики только что заняли города Гольдингенъ и Виндаву, угрожая Либавѣ съ сѣвера. При серьезномъ наступленіи большевиковъ, конечно, и думать нельзя было объ удержаніи Либавы, а потому въ порту уже все было приготовлено для эвакуаціи добровольческихъ частей, кого въ Германію, а кого въ Ревель.

Но большевики наступать не могли; продвигаясь весьма быстро отъ Пскова до Виндавы, они выдохлись. Въ особенности латышскіе полки, уже раньше сильно потрепанные Колчакомъ на Уралѣ, вернувшись на родину, расплылись, расходясь по домамъ. Сила нѣкоторыхъ полковъ не достигала 100 человекъ. Началась въ Лифляндіи и Курляндіи мобилизація, но даже при большевистскихъ пріемахъ подвигалась она медленно и новобранцы, не одѣтые, необученные и плохо вооруженные, для наступательныхъ дѣйствій вовсе не годились, для обороны же только постольку, поскольку наступленіе добровольческими частями не велось энергично.

Главные силы свои большевики сосредоточили по рѣкѣ Виндавѣ южнѣе Гольдингена и адѣсь оборона энергично велась небольшими ландесверными частями, въ особенности Митавской ротой, русской ротой капитана Дыдерова и латышскими ротами полковника Колпака, павшаго на этомъ участкѣ смертью героя. Команду надъ латышскими частями принялъ доблестный и симпатичный полковникъ Баллодъ. Южнѣе латышскихъ частей стояла германская добровольческая Желѣзная дивизія маіора Бишофъ, еще южнѣе уже въ Литвѣ (бывш. Ковенской губ.) находился присланный изъ Германіи VI Резервный корпусъ, въ составъ котораго входила гвардейская резервная дивизія.

Общее руководство всеѣмъ фронтомъ сосредоточено было въ рукахъ генерала графа фонъ-деръ-Гольца, штабъ-квартира коего была въ Либавѣ.

Въ виду того обстоятельства, что большевики не нажимали, высшему командованію удалось переформировать балтійскій ландесверъ на новыхъ началахъ. Нельзя забыть, что части были наскоро сформированы изъ бывшихъ русскихъ офицеровъ прибалтійскаго края и добровольцевъ молодыхъ и старыхъ, никогда не служившихъ на военной службѣ. Надо удивляться, какъ при такихъ обстоятельствахъ эти мало сплоченныя части безъ всякой подготовки, увлекаемые лишь восторженной любовью къ родинѣ, совершили сравнительно удачно отступленіе отъ Риги до рѣки Виндавы съ постоянными аръергардными боями и засадами въ лѣсахъ.

Командный языкъ былъ русскій и вообще настроеніе военной молодежи было явно руссофильское. Германцы рѣшили подчинить ландесверъ своему вліянію и начали ломку съ вопроса команднаго состава, языка и метода обученія. Командиромъ Ландесвера вмѣсто русскаго генерала барона Фрейтагъ-Лорингофена назначенъ былъ сперва германскій полковникъ Розенъ, затѣмъ весьма талантливый, храбрый и симпатичный маіоръ Флетчеръ, который быстро сумѣлъ завоевать себѣ довѣріе и преданность, какъ офицеровъ, такъ и добровольцевъ.

Старшіе офицеры Ландесвера, полковники русской службы перешли отчасти въ русскій отрядъ, отчасти въ Ревель. Масса офицеровъ Ландесвера хотѣла также демонстративно перейти въ русскій отрядъ, но лишь немногимъ это удалось, большинству въ этомъ было откаано.

Для обученія строю въ каждую роту были назначены инструкторами германскіе унтеръ-офицеры. Молодежь завопила, но въ концѣ концовъ подчинилась и надо отдать германцамъ справедливость, что никто кромѣ нихъ не сумѣлъ бы изъ этихъ разрозненныхъ добровольческихъ частей въ нѣсколько недѣль сформировать хорошо обученныя и сплоченныя воинскія части.

Особенно выделялся ударный отряд (Stoßtruppe), составъ котораго былъ наполовину германскій съ исключительно германскими офицерами.

Этотъ отрядъ силою приблизительно въ 1200 штыковъ несомнѣнно представлялъ собою въ боевомъ смыслѣ самую лучшую часть не только Ландесвера, но всего фронта, но одновременно онъ являлся и носителемъ наиболѣе яраго крайняго германофильства. Командиромъ его былъ лейтенантъ баронъ Гансъ Мантейфель, храбрый и талантливый офицеръ, павшій геройской смертью во главѣ своего отряда при взятіи Риги 22 мая 1919 г. Отрядъ имѣлъ двѣ великолѣпныя батареи и свою саперную роту. Всѣ остальные роты были объединены подъ командованіемъ графа Эйленбурга, храбраго офицера и симпатичнаго, идейнаго человѣка. Сила его отряда была въ 800 штыковъ. Въ его отрядъ входилъ эскадронъ барона Гана, штабъ-ротмистра 12-го Ахтырскаго гусарскаго полка. Это была наилучшая кавалерійская часть всего фронта, съ хорошимъ конскимъ составомъ, т. к. большинство лошадей принадлежали офицерамъ и добровольцамъ эскадрона.

Кромѣ того, въ составъ Ландесвера входили два самостоятельныхъ эскадрона, а именно барона Драхенфельса, подполковника 19-го Архангелогородскаго драгунскаго полка, и вольный эскадронъ барона Энгельгарда, помѣщика Илукетскаго уѣзда Курляндской губ. Первый эскадронъ силою въ 100 коней участвовалъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ фронта уже въ Литвѣ, а второй эскадронъ силою въ 80 коней занимался болѣе карательными экспедиціями, чѣмъ боевыми задачами.

Латыши были объединены подъ командою полковника Колпака, а послѣ его смерти полковника Баллода. Сила ихъ была приблизительно въ 2000 штыковъ. Тактически они были подчинены командиру Ландесвера, но имѣли свою отличительную форму—красный околышъ на фуражкѣ и красныя петлицы съ бѣлой полоской. Командный языкъ былъ латышскій. Между нѣмецко-балтійскими и латышскими частями отношенія все время были самыя корректныя; заслуга принадлежитъ какъ высокимъ нравственнымъ качествамъ полковника Баллода, такъ и тактичности маіора Флетчера.

Отношенія между ландесверными частями и русскими добровольцами были въ началѣ натянутыя, но по мѣрѣ продвиженія и вообще совмѣстной работы, это чувство уступило мѣсто самому честному товарищескому отношенію. И опять заслуга принадлежитъ какъ боевой доблести русскаго отряда, такъ и тактичности маіора Флетчера, который открыто выражалъ свое восхищеніе передъ боевой работой русскихъ.

За Февраль мѣсяцъ боевая обстановка на фронтѣ начала измѣняться постепенно въ пользу добровольческихъ частей. Рекрутское депо въ Либавскомъ военномъ порту (бывшемъ имени Императора Александра III) посылало пополненіе за пополненіемъ на фронтъ и за это время удалось его укрѣпить на востокъ настолько, что лѣвый флангъ могъ начать продвиженіе на сѣверъ, причемъ задача русскаго отряда была продвигаться на сѣверъ, занимая пространство между лѣвымъ флангомъ Ландесвера и моремъ.

2-го Марта русскій отрядъ силою въ 120 штыковъ впервые участвовалъ съ нѣкоторыми ландесверными частями въ налетѣ на гор. Виндаву. Въ операціи участвовалъ ударный отрядъ Мантейфеля 800 штыковъ при 2-хъ орудіяхъ, рота Радена—150 штыковъ, рота Клейста—200 штыковъ и эскадронъ Гана.

Для атого части, находившіяся въ 40—50 верстахъ южнѣе Виндавы, были посажены на подводы и продвинулись въ одной колоннѣ до имѣнія Зурсъ, на берегу рѣки въ 15 верстахъ отъ Виндавы. Тутъ произошелъ ночью первый авангардный

бой, во время котораго командиръ Ландесвера майоръ Флетчеръ, былъ раненъ въ голову и въ бокъ, но, послѣ перевязки, остался въ строю и продолжалъ руководить операціей.

Въ семь часовъ утра главныя силы подошли къ городу съ юга, рота Клейста произвела обходное движеніе съ востока по правому берегу рѣки Виндавы, а эскадронъ Гана шелъ по берегу моря и долженъ былъ войти въ городъ съ запада.

Бой продолжался около 3-хъ часовъ. Большевики стрѣляли изъ пулеметовъ и винтовокъ изъ-за заборовъ и изъ домовъ. Артиллеріи у нихъ не было, а потому они долго обороняться не могли и уже въ полдень городъ былъ въ рукахъ добровольческихъ частей. Насколько неожиданно было это наступленіе на Виндаву, видно изъ того, что въ лютеранской киркѣ на тотъ же вечеръ большевикамъ былъ назначенъ маскированный балъ.

На четвертый день послѣ взятія Виндавы получено было извѣстіе, что большевики перешли рѣку Виндаву сѣвернѣе города Гольдингена, гдѣ оставлено было очень мало войска подъ командою графа Эйленбурга. Красные обходомъ города съ запада грозили захватить весь небольшой гарнизонъ. Майоръ Флетчеръ оставилъ тогда въ Виндавѣ только роту Радена, а самъ отправился на выручку Гольдингена, посадивъ свои части на обывательскія подводы. Несмотря на поспѣшность отправки, большевики узнали объ этомъ и, когда наши части подошли, положеніе города оказалось уже обезпеченнымъ. Большевики уже очистили западный берегъ рѣки и въ окрестностяхъ слѣдъ ихъ простылъ и только значительныя поврежденія центра города и колокольни свидѣтельствовали о силѣ большевистскаго артиллерійскаго обстрѣла.

Но уже черезъ нѣсколько дней большевики вновь произвели энергичное наступленіе на городъ Виндаву. Донесенія оттуда давали мало надежды на возможность гарнизону удержаться въ городѣ. Въ проливной дождь наши части вновь были посажены на подводы и отправлены на выручку Виндавы. Но на полъ-пути было получено сообщеніе, что гарнизону Виндавы удалось не только отстоять городъ, но и удачнымъ обходнымъ движеніемъ лѣсными дорогами обойти бронированный поѣздъ и разрушить на востокъ отъ него желѣзнодорожный путь, послѣ чего поѣздъ большевиками былъ брошенъ.

Наши части вернулись вновь въ Гольдингень. Къ этому моменту русскій Либавскій отрядъ усилился влітіемъ въ него русской роты балтійскаго Ландесвера подъ командою капитана Дыдерова. Изъ слившихся частей были сформированы двѣ роты, рота Дыдерова и пулеметная рота шт.-кап. Эшкольць. Кроме того, къ отряду прибыло изъ Либавы два взвода кавалеріи, кадры для формированія батареи и необходимый обозъ. Благодаря неимовѣрнымъ усиліямъ и умѣлости завѣдующаго хозяйствомъ отряда, подполковника Бириха, матеріальная часть значительно улучшилась.

Усиленный, такимъ образомъ, отрядъ могъ уже получить самостоятельную задачу при слѣдующей самой крупной операціи, начавшейся 13 Марта наступленіемъ отъ Гольдингена на востокъ до Туккума и закончившейся 18 Марта взятіемъ города Митавы.

Наступленіе велось одновременно отдѣльными колоннами, причемъ начальникамъ отдѣльныхъ колоннъ давалась только задача достиженія извѣстныхъ цѣлей съ предоставленіемъ самой широкой инициативы.

Сѣверная колонна, силою въ 1200 штыковъ, подъ командою лейтенанта Мантейфеля съ его ударнымъ отрядомъ должна была подойти къ Туккуму по дорогѣ ведущей сѣвернѣе Московско-Виндавской ж. д.

Вторая колонна Эйленбурга силою въ 800 штыковъ шла южнѣе и должна была подойти къ Туккуму съ юго-запада.

Русскій отрядъ силой въ 250 человекъ долженъ былъ идти еще южнѣе въ восточномъ направленіи и выйти на дорогу изъ Туккума къ Митавѣ верстъ 20 на югъ отъ Туккума.

Еще правѣ шелъ латышскій отрядъ Баллода силой въ 2000 штыковъ, черезъ мѣстечко Фрауенбургъ на уѣздный городъ Добленъ.

Связь между русскимъ и латышскимъ отрядами должна была бы быть поддержана вольнымъ эскадрономъ Энгельгарда. Но онъ не будучи военнымъ, этой связи установить не сумѣлъ и она была установлена независимо отъ него, но съ запазданіемъ въ три дня.

Правѣ Баллода, по линіи желѣзной дороги отъ Муравьева къ Альтъ-Аутцу продвигалась германская Желѣзная дивизія маіора Бишофа, силою въ 4000 штыковъ, южнѣе его шла гвардейская резервная дивизія.

Быстрѣ всѣхъ продвинулась сѣверная колонна и уже 15 Марта въ 9 часовъ утра вошла въ Туккумъ, откуда большевики бѣжали въ паническомъ страхѣ.

Вторая колонна Эйленбурга встрѣтила сопротивленіе у мызы Самитенъ, гдѣ большевиками былъ разрушенъ мостъ, вслѣдствіе этого они въ ночь съ 14-го на 15-ое Марта нѣсколько часовъ адѣсь задержались.

Русскій отрядъ, наткнувшись уже въ 25 верстахъ отъ Гольдингена на передовые посты большевиковъ, преслѣдоваль въ первый же день похода красныхъ отъ Вормена до мызы Шедена. Здѣсь они задержались. Въ 11 часовъ вечера отрядъ съ боемъ продвинулся къ имѣнію, но большевики, пользуясь темнотою, успѣли бѣжать, бросивъ много имущества и нѣсколько пулеметовъ. На слѣдующій день, поддерживая влѣво — вплоть до боя у мызы Самитенъ — связь съ колонною Эйленбурга, русскій отрядъ весь день и всю слѣдующую ночь не останавливаясь продвигался впередъ, не встрѣчая по лѣснымъ дорогамъ сопротивленія. Послѣ дождей предыдущихъ дней наступили сильные морозы до 15 Р. Дороги обледенѣли и движеніе орудій, кухонь и обоза было весьма затруднено. Часто приходилось останавливать всю колонну, чтобы вытащить наъ канавы орудіе или подводу. Несмотря на эти задержки, колонна къ разсвѣту подошла къ рѣкѣ Абау южнѣе Туккума, потерявъ связь влѣво съ отставшей вслѣдствіе боя колонной Эйленбурга и не установивъ связи вправо съ колонной Баллода, отставшей предположительно верстъ на 30.

На берегу рѣки Абау удалось окружить имѣніе Фридрихсбергъ, гдѣ большевистскій комитетъ укладывалъ свои архивы на подводы для бѣгства. Члены комитета защищались оружіемъ, но домъ былъ скоро взятъ добровольцами. Въ домѣ оказалось двое убитыхъ, одинъ покончилъ съ собою самоубійствомъ, остальные были арестованы и переданы военно-полевому суду, который вынесъ шестерымъ смертный приговоръ, а двухъ оправдалъ. Этотъ комитетъ, какъ было установлено, руководилъ въ свое время разграбленіемъ сосѣдняго имѣнія, причемъ арендаторъ и его дочь были разстрѣляны. Вещи убитаго арендатора были найдены въ канцеляріи комитета.

На рѣкѣ Абау отрядъ задержался до восстановленія связи съ Эйленбургомъ, который послѣ удачнаго боя продвинулся впередъ, а на слѣдующій — третій день похода перешелъ рѣку и продвинулся на востокъ до станціи Шлампенъ Московско-Виндавской ж. д., 16 верстъ южнѣе Туккума.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этой станціи оказалось единственное имѣніе, въ которомъ помѣщикъ уцѣлѣлъ. Онъ былъ своимъ рабочими допущенъ въ члены коммуны, причемъ ему въ виду его образованія и лѣтъ былъ предоставленъ постъ секретаря коммуны съ правомъ пользоваться для себя и для дочери двумя комнатами въ своемъ барскомъ домѣ. По его словамъ коммунистическое ученіе, въ началѣ встрѣ-

ченное рабочими восторженно, потерпѣло полное крушеніе, когда рабочимъ было объяснено, что поросята, рождающіеся отъ ихъ собственныхъ свиней, не составляютъ ихъ частной собственности, а подлежатъ раздачѣ равномерно между всѣми членами коммуны. Коммунистамъ послѣ этого не удалось возстановить своего вліянія и рабочіе сами желали возвращенія къ нормальнымъ условіямъ.

Назъ Шлампена русскій отрядъ установилъ вновь твердую связь со штабомъ маіора Флетчера, находившагося уже въ Туккумѣ. Онъ вошелъ въ городъ вмѣстѣ съ первой колонной и, узнавъ, что большевики только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ увели изъ Туккумской тюрьмы значительное число лицъ изъ интеллигенціи и мелкихъ собственниковъ, походнымъ порядкомъ по дорогѣ къ Шлоку послалъ имъ въ догонку добровольцевъ, которые ихъ нагнали и освободили. Но масса труповъ, наскоро зарытыхъ въ городѣ и въ окрестностяхъ, громко говорили о жестокомъ террорѣ, который господствовалъ здѣсь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Между тѣмъ положеніе русскаго отряда, выдвинувшагося впередъ, становилось въ Шлампенѣ весьма критическимъ. Телефонъ на станціи не былъ раарушенъ и удалось установить телефонную связь со станціями южнѣ лежащими, гдѣ находились еще большевики. Назъ подслушанныхъ разговоровъ можно было установить, что въ Митаву прибылъ какой-то русскій кавалерійскій полкъ изъ Казани и что онъ направленъ на Туккумъ. Явно было изъ телефонныхъ разговоровъ, что потеря Туккума, гдѣ раньше находился ихъ штабъ, очень всполошила большевиковъ.

Разъѣзды упомянутого выше полка уже въ слѣдующую ночь появились у нашей передовой заставы и начали насъ обходить съ праваго фланга. Опасность обхода была тѣмъ болѣе велика, что вольный эскадронъ Энгельгарда не выполнилъ своей задачи наблюденія за пространствомъ между русскимъ отрядомъ въ Шлампенѣ и отрядомъ Эйленбурга, стоявшимъ 15 верстъ сѣверо-западнѣ, поэтому, когда этотъ отрядъ безъ достаточной развѣдки означеннаго эскадрона продвинулся южнѣ, то наткнулся на засаду и потерялъ при этомъ нѣсколько добровольцевъ убитыми.

Въ виду полной неустойчивости всего положенія выдвинувшихся до Туккума ландесверныхъ частей, маіоръ Флетчеръ рѣшилъ молніеноснымъ ударомъ нагрянуть на Митаву и взять ее врасплохъ, не дожидаясь подхода съ запада вдоль желѣзной дороги Желѣзной дивизіи Бишофа. Въ ночь съ 17 на 18 Марта походная колонна добровольческихъ частей выступила изъ Туккума, имѣя въ головѣ русскій отрядъ.

У водяной мельницы Малеймуйже въ 10 верстахъ южнѣ Шлампена головной взводъ кавалеріи наткнулся на засаду большевистской спѣшенной кавалеріи, засѣвшей въ оврагѣ по обѣ стороны отъ дороги и открывшей въ 10 часовъ вечера при лунномъ освѣщеніи огонь изъ пулеметовъ и винтовокъ по походной колоннѣ. Произошло средн обывательскихъ подводъ нѣкоторое замѣшательство, но присутствіе духа командира батареи, капитана Андерсона, быстро спасло положеніе. Онъ сразу приказалъ выкатить на поле одно орудіе и началъ прямой наводкой стрѣлять по неприятельской цѣпи.

Одновременно часть роты съ пулеметами рассыпалась въ цѣпь и вскорѣ неприятельскій огонь началъ слабѣть и прекратился. Когда мельница была занята, то и слѣдъ отъ большевиковъ простылъ. Заслѣ русскій отрядъ былъ направленъ на востокъ къ Кальнецемскому мосту чрезъ рѣку Курляндская Аа заслономъ и имѣлъ здѣсь на слѣдующій день продолжительный бой съ укрѣпившимися въ старыхъ окопахъ военнаго времени большевиками. Защищаемая такимъ образомъ съ фланга и съ тыла колонна Ландесвера могла ускореннымъ аллюромъ продвинуться прямо на Митаву. Въ шести верстахъ отъ Митавы произошелъ небольшой бой, но вскорѣ большевики, охваченные паническимъ страхомъ, бѣжали, оставивъ въ Митавѣ массу

имущества и санитарный поѣздъ. Единственное, что они успѣли сдѣлать — это арестовать запово и вывезти массу заложниковъ изъ тюремъ изъ числа интеллигенціи. Слѣдующая ночь была чрезвычайно холодная и заложниковъ пели пѣшкомъ по мералому шоссе въ той одеждѣ, въ которой ихъ застали. Многие старики и старухи не выдержали и падали въ пути; ихъ прикапчивали выстрѣлами или прикладами. Очень немногимъ удалось въ пути бѣжать и скрыться въ лѣсу. Остальные въ немовѣрно истощенномъ состояніи, пройдя 40 верстъ безъ остановокъ, были брошены въ Рижскія тюрьмы. Здѣсь свирѣпствовалъ сыпной тифъ и немедленно интеллигентныя женщины изъ числа заложниковъ были назначены на работы стирки бѣлья тифозныхъ больныхъ.

Послѣ взятія Митавы первый день прошелъ спокойно. Производилась чистка города и разыскивались многочисленные трупы растрѣянныхъ большевиками, которые едва зарытые въ землю, заполняли дворы и сады вокругъ губернской тюрьмы.

Однако, положеніе города оставалось весьма критическимъ. Онъ былъ взятъ налетомъ. Въ тылу на западъ отъ Митавы находились большевистскія войска, отступавшіе отъ Альтъ-Аутца и Доблена подъ давленіемъ желѣзной дивизіи и латышей. Положеніе этихъ частей было бы безвыходнымъ, если бы имѣлось больше добровольческихъ частей для окруженія ихъ; теперь они, охваченные паникой, ринулись въ юго-восточномъ направленіи черезъ г. Баускъ къ Западной Двинѣ, но до того момента, когда опредѣлилось направленіе ихъ отступленія, они представляли серьезную угрозу Митавѣ. Отколовшіяся отъ большевистскихъ силъ банды долго еще мѣшали сообщеніямъ между Митавой и Туккумомъ, гдѣ оставленъ былъ весьма незначительный гарнизонъ, находившійся постоянно подъ угрозой нападенія со стороны Шлока.

Дѣйствительно, большевики произвели нападеніе на Туккумъ съ востока. Гарнизонъ города состоялъ изъ 35 штыковъ сборной команды и 50 человекъ саперной роты Штромберга. Большевики заняли высоту, господствующую надъ городомъ съ сѣвера, и поставили одинъ пулеметь. Случайно одинъ изъ саперъ выстрѣлилъ въ направленіи наступавшихъ ружейной гранатой. Граната разорвалась въ 20-ти шагахъ отъ пулемета съ присущимъ ей трескомъ, но безъ дальнѣйшаго вреда. Прислуга большевистскаго пулемета сразу прилегла, а затѣмъ бѣжала, бросивъ пулеметь. Саперы съ криками ура бросились на высоту, захватили пулеметь и повернули его на бѣгущихъ большевиковъ, послѣ чего послѣдніе туда больше не возвращались.

На второй день послѣ взятія Митавы большевики неожиданно повели наступленіе на городъ съ востока, подойдя къ самому предмѣстію съ двумя брокированными поѣздами и нѣсколькими броневиками.

Митавскій гарнизонъ только что расположился отдыхать послѣ боевъ и переходовъ послѣднихъ дней, когда его вызвали къ мостамъ по тревогѣ. Оборона шоссе-наго моста была поручена русскому отряду, которому удалось отбить двѣ серьезныя атаки, послѣ чего большевики уже ограничивались обстрѣломъ города изъ своихъ поѣздовъ.

Городъ былъ на этотъ разъ спасенъ и русскій отрядъ за это дѣло сталъ пользоваться большой популярностью среди жителей Митавы.

Позже пріѣзжалъ къ начальнику отряда министръ Внутреннихъ Дѣлъ Латвіи Д-ръ Вальтерсъ и передалъ оффиціально благодарность Латвійскаго Правительства за спасеніе Митавы.

Но уже черезъ два дня было установлено появленіе новой угрозы городу съ сѣвера. Большевики, перейдя ниже Митавы рѣку по льду, начали накапливаться въ лѣсахъ, окружающихъ городъ. 22-го марта туда былъ направленъ русскій отрядъ, къ которому была придана германская добровольческая пулеметная рота. Бой начался въ пяти верстахъ отъ города около мызы Шведгофъ.

Противникъ, засѣвшій на опушкѣ лѣса, сперва открылъ оживленный ружейный огонь, но, благодаря значительному превосходству нашего пулеметнаго огня, принужденъ былъ сперва отступить, а затѣмъ бѣжать. Преслѣдованіе велось энергично на разстояніи 12 верстъ и привело къ полному очищенію западнаго берега рѣки. Удалось установить, что наши двѣ небольшія роты привели въ паническое бѣгство весь 15-й латышскій совѣтскій полкъ, который, войдя въ деревню, гдѣ стоялъ батальонъ 10-го полка, увлекъ и его въ свое бѣгство.

Теперь всѣ части ожидали немедленнаго наступленія на Ригу. Большевики въ эти дни были настолько убѣждены въ этомъ, что спѣшно начали эвакуировать Ригу. Улицы, по которымъ большевики предполагали отступать, очищались отъ всѣхъ жильцовъ-буржуевъ. Послѣдніе всѣ выводились на улицу, гдѣ распределялись на три категоріи: первая къ немедленному разстрѣлу, вторая къ заключенію въ тюрьмѣ и третья къ выселенію въ предмѣстія, въ концентраціонные лагеря и на низменные острова на Двинѣ. Въ эти дни свирѣпствовалъ въ городѣ самый жестокой терроръ. Разстрѣловъ было столько, что солдаты отказывались производить ихъ и эта работа поручалась коммунистическимъ дѣвушкамъ-добровольцамъ, которыя находили особое удовольствіе въ истязаніи своихъ жертвъ до окончательнаго ихъ разстрѣла.

Во всякомъ случаѣ настроеніе большевиковъ въ это время было таково, что о серьезной оборонѣ Риги они не только думать не могли, но и не хотѣли, войска же добровольческихъ частей рвались въ бой, т. к. у каждаго были близкіе родственники или друзья въ Ригѣ.

Несмотря на такое настроеніе мы провели цѣлыхъ два мѣсяца на позиціяхъ по лѣвому берегу Курляндская Аа отъ Бауска до Шлока съ небольшими тѣт-де-понами впереди Митавы и Кальнецема на правомъ, восточномъ, берегу рѣки. Митава съ упомянутымъ тѣт-де-пономъ занята была желѣзной дивизіей маіора Бишофа, со штабомъ въ Митавѣ. Южный участокъ отъ Митавы до Бауска занимала германская гвардейская резервная дивизія со штабомъ въ имѣніи Гроссъ-Платень. Сѣверный же участокъ отъ Митавы до Шлока оборонялся добровольческими частями, причемъ латыши занимали Кальнецемскій тѣт-де-понъ. Ландесверъ стоялъ сѣвернѣе до моря, а русскій отрядъ имѣлъ сторожевое охраненіе по рѣкѣ Курляндская Аа отъ Кальнецема до Митавы. Штабъ маіора Флетчера находился въ Туккумѣ.

Во время этой стоянки удалось опредѣлить тѣ большевическія силы, которыя защищали фронтъ рижскаго плацдарма отъ моря до западной Двины у Фридрихштадта. Сѣвернѣе Митаво-Рижскаго шоссе стояли почти исключительно латышскіе полки силою въ среднемъ въ 800 человекъ, всего приблизительно 6 полковъ или двѣ дивизіи съ соответствующей артилеріей. Послѣдняя была русская, батареи были 4-хъ орудійныя и не болѣе двухъ на дивизію, стрѣляли онѣ хорошо, но снарядовъ было очень мало.

На фронтѣ противъ Митавы имѣлись по крайней мѣрѣ двѣ батареи гаубичныя. На участкѣ южнѣе шоссе стояли русскіе совѣтскіе полки, а именно 97-й, 98-й и 99-й, составлявшіе Новгородскую дивизію. Тутъ же находилось и два или три латышскихъ полка. Артиллеріи при этихъ частяхъ было мало, не болѣе батарей на дивизію. Равномѣрно по всему фронту распределены были коммунистическія роты, хорошо одѣтыя, оборудованныя и вооруженныя, чего нельзя было сказать про мобилизованныя латышскія части. Задача этихъ ротъ состояла, главнымъ образомъ, въ принужденіи мобилизованныхъ частей держаться на позиціяхъ. Кромѣ того, у большевиковъ сформированъ былъ интернаціональный батальонъ, какъ говорятъ, подъ командою германскаго матроса. Этотъ батальонъ появлялся на Олай-

скомъ фронтѣ противъ Митавы. Всего можно полагать, что рижскій плацдармъ защищался арміей силою приблизительно въ 10—14 тысячъ человѣкъ на фронтѣ. Сила же наступавшихъ «бѣлыхъ», включая ландесверъ, желѣзную дивизию и германскую гвардейскую дивизию едва ли достигала 10.000 на фронтѣ, въ тылу же находилось несоответственно большое число людей на довольствіе, такъ напримѣръ, ландесверъ, имѣя на фронтѣ въ лучшемъ случаѣ 3500 людей, довольствовалъ изъ котла въ тылу около 20.000, включая сюда всякія хозяйственныя и санитарныя учрежденія.

Причинъ для задержки добровольческихъ частей на линіи Митавы было нѣсколько:

Во 1-хъ, нельзя забывать, что Митава была взята налетомъ, что тылъ поэтому не былъ обезпеченъ отъ нападенія бандъ.

Во 2-хъ, требовалось извѣстное время для исправленія путей сообщенія, для налаживанія снабженій и присылки пополненій.

Во 3-хъ, вопросъ о снабженіи изголодавшейся Риги продовольствіемъ въ случаѣ взятія города не нашелъ еще удовлетворительнаго разрѣшенія, въ особенности въ виду невозможности пользоваться морскимъ путемъ, такъ какъ благодаря холодной веснѣ, въ морѣ было еще много льда.

Во 4-хъ, германское правительство не желало, при создавшихся политическихъ обстоятельствахъ, разрѣшить германскимъ частямъ идти далѣе линіи рѣки Курляндская Аа, т. к. оно смотрѣло на всю операцію лишь, какъ на средство обезпечить свои восточныя границы отъ нападенія со стороны большевиковъ, а эта цѣль была уже достигнута взятіемъ Митавы въ достаточной мѣрѣ.

Во 5-хъ, наконецъ, правительства Антанты не могли согласиться на вопросъ, кому и когда освободить Ригу. Инструкціи, которыя ими давались германскому командованію на мѣстахъ, были крайне противорѣчиваго характера.

Позиціонная война, пока рѣка была покрыта льдомъ, являлась для добровольческихъ частей, растянувшихся въ одну длинную линію, почти безъ резервовъ въ тылу, очень утомительной задачей.

Поздно наступившій разливъ облегчилъ задачу, но одновременно появились случаи сыпного тифа, грозившаго принять характеръ эпидеміи. Умеръ отъ тифа помощникъ начальника русскаго отряда — полковникъ Раръ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ всѣхъ чиновъ отряда. Въ серединѣ апрѣля отрядъ уведенъ былъ въ тылъ для дезинфекціи и приведенія себя въ порядокъ. Къ тому времени стали подходить пополненія изъ Либавы и Виндавы, были получены орудія, началось формированіе гаубичной батареи, отъ Латвійскаго Правительства получены по реквизиціи лошади изъ Добленскаго уѣзда, вообще, отрядъ началъ видимо усиливаться. Необходимо было еще наладить полученіе пополненій изъ бывшихъ русскихъ военноплѣнныхъ, находившихся въ Германіи. Попытки вывезти ихъ оттуда, несмотря на разрѣшеніе державъ согласія и на содѣйствіе германскихъ властей, всегда разбивались объ какое-нибудь мелкое препятствіе, а потому командиръ русскаго отряда рѣшилъ ѣхать лично въ Берлинъ для организаціи дѣла.

Неожиданно въ Либавѣ въ серединѣ апрѣля разыгрались политическія событія, имѣвшія серьезныя послѣдствія на развитіе дальнѣйшихъ событій въ Прибалтикѣ. Ударный батальонъ балтійскаго ландесвера, отведенный въ Либаву на отдыхъ, 16 апрѣля свергъ министерство Ульманиса и арестовалъ нѣкоторыхъ членовъ министерства. Поводомъ послужило недовѣріе балтійскихъ фронтовыхъ частей къ министерству вообще и къ двумъ министрамъ Залиту и Гольдману, въ особенности. Послѣдніе обвинялись въ сношеніяхъ съ большевиками, а потому войска желали

удаленія ихъ. «Бунтъ», совершенно неподготовленный, руководимый нѣкоторыми очень молодыми, политически неопытными офицерами ударнаго отряда ландесвера, во главѣ котораго стояли нѣкоторые члены семьи Мантейфелей, оказался ударомъ въ пустую. На мѣсто свергнутаго министерства нельзя было найти новаго. Военныя и дипломатическія миссіи союзниковъ явно стояли на сторонѣ министерства Ульманиса и въ началѣ не желали вовсе разговаривать съ другими группами. Только амерпканская миссія заняла болѣе примирительную точку зрѣнія и старалась создать коалиціонное министерство между сторонниками Нѣдриса, латышскаго писателя и націоналиста, выдвинутаго ландесверомъ, и свергнутаго Ульманисомъ. Но коалиція не удалась, министерство Нѣдриса, поддержанное германскими окупаціонными властями, не было признано союзниками, а Ульманисъ продолжалъ играть роль изгнанника. Дѣло не прошло безъ столкновеній. Въ первый день переворота солдаты одной германской добровольческой части ворвались въ расположеніе латышскихъ частей въ районѣ военнаго порта и, обезоруживъ латышей, ограбили ихъ. Съ другой стороны латыши арестовали Нѣдриса, тайно увели его за городъ, откуда ему съ различными приключеніями удалось бѣжать въ одной рубашкѣ и добѣжать въ такомъ видѣ къ ближайшему германскому посту.

Всѣ эти событія не могли не усилить вражды между различными національностями и вызвать недовѣріе союзниковъ къ ландесверу и прибалтійскимъ нѣмцамъ вообще. Озлобленіе латышей было особенно сильно противъ ландесвера и семьи Мантейфелей, изъ которыхъ командиръ ландесвера палъ при взятіи Риги въ маѣ 1919 г., а его отецъ былъ убитъ какой-то бандой осенью того же года.

Событія въ Либавѣ, къ счастью, мало отраплись непосредственно на фронтѣ. Въ переворотѣ участвовалъ только ударный отрядъ Мантейфеля, стоявшія на фронтѣ ландесверныя части въ немъ не участвовали и отношенія между ними и латышскими частями остались и послѣ этихъ событій корректными.

Между тѣмъ, начальнику Либавскаго отряда удалось въ Берлинѣ, при содѣйствіи объединившихся для этой цѣли русскихъ въ Берлинѣ, организовать отправку русскихъ пополненій изъ концентраціонныхъ лагерей въ Германію. Сенаторъ Бельгардъ взялъ на себя тяжелый трудъ руководить этимъ дѣломъ, требовавшимъ большого дипломатическаго такта, чтобы умѣть примирить требованія представителей Антанты съ требованіями германскихъ военныхъ властей.

Со второй половины мая перевозка пополненій наладилась и отрядъ началъ разрастаться.

Между тѣмъ, на фронтѣ опять начались военныя операціи. 16-го мая русской отрядъ, смѣнивъ часть латышскихъ ротъ, занялъ совмѣстно съ латышами Кальнецемскій тѣтъ-де-понъ. Съ 18 по 20 мая большевики сильными повторными атаками старались сбить насъ, направляя главныя свои силы противъ праваго участка, занимаемаго русскими. Всѣ атаки были отбиты съ большими потерями для большевиковъ. Изъ показаній плѣнныхъ выяснилось, что непосредственно отъ Троцкаго былъ полученъ категорическій приказъ занять мостъ, т. к. большевики вполиѣ правильно оцѣнивали значеніе Кальнецема, какъ угрозы Ригѣ. На 22 мая, по собранному раавѣдкою свѣдѣніямъ, ожидалось новое наступленіе большевиковъ. Командиръ ландесвера рѣшилъ предупредить это неожиданнмъ переходомъ въ наступленіе со своей стороны.

Въ 1 часъ 30 мин. ночи 22 мая балтійскій ландесверъ, вмѣя ударный отрядъ во главѣ, неожиданно атаковалъ большевиковъ и уже къ 3 часамъ ночи, пробившись къ нимъ въ тылъ, началъ ускореннымъ маршемъ походъ на Ригу съ такимъ расчетомъ, чтобы занять городскіе мосты черезъ Двину раньше, чѣмъ отступавшія большевистскія

части могли поспѣть туда. Русскій отрядъ вмѣстѣ съ латышами подъ командою полковника Баллода пошелъ обходнымъ путемъ по южному берегу озера Бабитъ. По рѣкѣ Курляндская Аа направилась сильно вооруженная рѣчная флотилія на специально приспособленныхъ для сего рѣчныхъ пассажирскихъ и буксирныхъ пароходахъ. Сѣвернѣе рѣки по берегу моря отъ Шлока двинулись латышскія и ландесверныя части. Одновременно двинулась изъ Митавы по шоссе желѣзная дивизія Бишофа. Германскія части не имѣли отъ своего Правительства разрѣшенія участвовать въ Рижской операціи, но, въ виду наступленія ландесвера, принуждены были для обезпеченія своего фланга продвинуться на новыя позиціи, что ими и было исполнено.

Въ два часа дня Мантейфель съ ударнымъ отрядомъ подошелъ къ деревянному городскому, бывшему понтовному, мосту, одновременно по Митавскому шоссе къ желѣзнодорожному мосту стали подходить бронированные автомобили маіора Бишофа. Большевики въ Ригѣ были застигнуты врасплохъ. Они узнали о приближеніи бѣлыхъ лишь, когда они съ боемъ вошли въ западныя предмѣстья города. На деревянномъ мосту произошелъ короткій бой, причемъ палъ командиръ эскадрона графъ Рейтернъ-Нолькенъ. Ударники ворвались въ городъ съ Мантейфелемъ во главѣ, который при этомъ былъ убитъ, и послѣшно направились къ ближайшей тюрьмѣ, чтобы спасти заключенныхъ тамъ заложниковъ, въ другихъ же тюрьмахъ большевики успѣли многихъ перебить, въ томъ числѣ женщинъ, нѣсколькихъ пасторовъ, другихъ же увезли изъ города на грузовикахъ для отправки въ Москву заложниками, откуда они вернулись лишь въ маѣ 1920 года.

Къ шести часамъ дня въ городъ вступилъ русскій отрядъ и занялся очищеніемъ сѣверныхъ частей города, включая и Царскій Лѣсъ, куда собралась масса большевиковъ. Трудно было организовать съ утомленными войсками фактическую охрану частнаго имущества отъ грабежа. Это болѣе или менѣе удалось несмотря на нахожденіе именно въ сѣверномъ участкѣ холодильника съ припасами и виннаго склада на водочномъ заводѣ Вольфшмидта.

На слѣдующій день работа по очисткѣ сѣверныхъ предмѣстій отъ большевиковъ продолжалась и распространилась до устья рѣки Двины у Мюльграбена, Магнусгофа и на лѣвомъ берегу рѣки Больдераа, причемъ была захвачена значительная военная добыча, въ томъ числѣ и одинъ вполне исправный броневикъ.

Плѣнныхъ была масса, т. к. большая часть мобилизованныхъ большевиками солдатъ бѣжали изъ своихъ частей и сотнями сдавались въ плѣнъ.

Ихъ всѣхъ сконцентрировали на заводѣ «Проводникъ».

26-го мая русскій отрядъ покинулъ Ригу для преслѣдованія большевиковъ, отходившихъ по Псковскому шоссе. Задача отряда состояла въ обходѣ лѣсными дорогами станціи Роденпойсь для содѣйствія отряду Эйленбурга, направившагося туда же по шоссе. Недалеко отъ станціи Роденпойсь коммунистическая рота, засѣвъ въ густомъ лѣсу, произвела неожиданное нападеніе на продвигавшуюся по гати колонну. Несмотря на своевременное предупрежденіе дозорными, часть не успѣла по мѣстнымъ условіямъ во время развернуться и имѣла сравнительно значительныя потери равными и въ особенности лошаадьми. Убитъ былъ командиръ эскадрона ротм. Родзевичъ и нѣсколько артиллеристовъ и выбылъ изъ строя вслѣдствіе раненія начальникъ отряда.

Но бой, благодаря доблести батареи, стрѣлявшей прямой наводкой подъ градомъ пуль, окончился въ нашу пользу и большевики, прекративъ огонь, бѣжали. Вскорѣ къ намъ подоспѣли подкрѣпленія изъ латышскихъ частей, по шоссе продвинулся Эйленбургъ и ст. Роденпойсь къ вечеру была въ нашихъ рукахъ.

Преслѣдованіе большевиковъ продолжалось и въ слѣдующіе дни до линіи рѣки Лифляндская Аа.

Въ городѣ въ это время быстро возстановлялась жизнь. Впечатлѣніе при взятіи Риги отъ душевнаго и физическаго состоянія горожанъ было удручающее. Разказы о большевистскомъ режимѣ, о террорѣ и о лишеніяхъ превосходили все, что проникло до тѣхъ поръ въ печать. Разказы эти подтверждались при находкѣ массы разстрѣлянныхъ и изуродованныхъ труповъ. Ко всѣмъ бѣдствіямъ присоединились форменный голодъ и эпидемія тифа.

На фонѣ всеобщаго бѣдствія особенно яркаго выдѣляется картина празднествъ въ дворянскомъ домѣ по поводу свадьбы дочери главнаго комиссара Стучки. Масса гостей съѣхалась по этому поводу со всѣхъ концовъ Россіи и, говорятъ, никогда еще и нигдѣ, ни въ одномъ залѣ не видно было такого ослѣпительнаго количества дорогихъ камней и драгоценностей, какъ на гостяхъ товарища Стучки.

Послѣ взятія Риги майоръ Флетчеръ, какъ главнокомандующій, назначилъ градоначальника и начальниковъ отдѣльныхъ управленій города. Сюда вернулись многіе полицейскіе чины, служившіе во время германской оккупации. Къ сожалѣнію, одновременно вернулись и многіе нежелательные элементы, своими дѣйствіями подрывавшіе авторитетъ вновь назначенныхъ высшихъ чиновъ. Почти одновременно прибыли въ Ригу и военныя миссіи союзныхъ державъ и американская продовольственная коммиссія. Последняя начала сразу снабжать жителей давно невиданнымъ бѣлымъ хлѣбомъ и организовала образцовыя кухни для дѣтей младшаго и школьнаго возрастовъ. Вскорѣ переѣхало въ Ригу и правительство Нѣдриса. Но уже черезъ двѣ недѣли вся обстановка рѣзко измѣнилась. Въ началѣ іюня при преслѣдованіи большевиковъ, ландесверныя части неожиданно наткнулись южнѣе г. Вендена на передовыя посты эстонцевъ, уже очистившихъ сѣверную часть Венденскаго и Вольмарскаго уѣздовъ отъ большевиковъ. Ландесверъ полагалъ, что встрѣтитъ у эстонцевъ поддержку. Но не то случилось. Послѣ нѣсколькихъ случайныхъ встрѣловъ между передовыми постами, эстонцы выдвинули свой бронированный поѣздъ, началась перестрѣлка и ландесверъ, перейдя въ наступленіе, прогналъ эстонцевъ изъ города и занялъ Венденъ. Одновременно начались съ помощью союзныхъ миссій переговоры между сторонами, приведшіе 9-го іюня къ соглашенію, оформленному протоколомъ, подписаннымъ обѣими сторонами съ согласія представителей англійской, французской и американской военныхъ миссій. По этому соглашенію эстонцы обязались очистить латвійскую территорію и отойти къ своимъ этнографическимъ границамъ.

Этотъ протоколъ былъ посланъ въ Ревель на утвержденіе главы всѣхъ союзныхъ миссій, англійскаго генерала Гоффа. Совершенно неожиданно для всѣхъ, онъ, вмѣсто утвержденія протокола, прислалъ отъ себя 15-го іюня въ ультимативной формѣ новыя требованія къ балтійскому ландесверу, которыя тотъ считалъ для себя неприемлемыми. Требовалось, чтобы балтійскія добровольческія части отошли на рижскія позиціи и чтобы министерство Нѣдриса было смѣщено и замѣнено министерствомъ Ульманиса.

Требованія эти, сами по себѣ тяжелыя, могли послужить однако бааой для дальнѣйшихъ переговоровъ. Положеніе ландесвера, если бы онъ отошелъ на рижскія позиціи, было чрезвычайна выгодно для продолженія переговоровъ и слѣдовало предоставить эстонцамъ инициативу наступленія на Ригу. И матеріальное и моральное преимущество было бы на сторонѣ ландесвера. Вмѣсто того, майоръ Флетчеръ подъ сильнымъ давленіемъ крайнихъ германофиловъ и редактора газеты «Rigaesche Zeitung» Д-ра Серафима рѣшилъ предупредить готовившихся къ наступленію

эстонцевъ и самъ въ день окончанія перемирія, 20-го іюня, у Вендена перешель въ наступленіе.

Русскій отрядъ, сформированный для борьбы съ большевиками, съ обязательствомъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Прибалтики, объявилъ себя нейтральнымъ и былъ уведень съ фронта. Первый и третій батальонъ были по просьбѣ союзныхъ миссій отправлены въ Либаву для поддержанія порядка въ этомъ городѣ послѣ ухода германскихъ окупаціонныхъ войскъ, а второй батальонъ оставленъ въ Ригѣ для содѣйствія мѣстнымъ гражданскимъ властямъ.

На фронтѣ дѣла пошли не важно для ландесвера. Эстонцы, хорошо вооруженные и снабженныя англичанами, оказались противникомъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ большевики. Броневой ихъ поѣздъ оказался живой крѣпостью, съ которою балтійскіе добровольцы справиться не могли. Началось отступленіе. Духъ добровольцевъ, быстро поднимавшійся при успѣхахъ, также рѣзко началъ падать при неудачѣ. Война съ эстонцами была чрезвычайно непопулярна и большинству изъ балтійскихъ добровольцевъ непонятна. Отступленіе приняло безпорядочный характеръ и едва не привело къ полному развалу ландесвера. Эстонцы, поддержанные латышами сѣверныхъ уѣздовъ Лифляндіи, подъ командой полковника Замитана стали подходить къ Ригѣ, обстрѣливая уже предмѣстія. Испорченъ былъ снарядомъ главный водопроводъ и городъ остался безъ воды. Шайки германскихъ солдатъ производили въ городѣ грабежи. Настроеніе латышскихъ солдатъ полковника Баллода по отношенію германцевъ и балтійцевъ со дня на день ухудшалось. На улицахъ происходили столкновенія, при которыхъ пускались въ дѣло ручныя гранаты. Полковникъ Баллодъ имѣетъ великую заслугу, что сумѣлъ сдержать свои части настолько, что дѣла не приняли болѣе крупныхъ размѣровъ. Въ Ригѣ вновь началась паника. Всѣ боялись вторженія эстонцевъ въ городъ и производства ими грабежей и избіеній. Вмѣшались союзныя миссіи и, чтобы спасти городъ, уговорили эстонцевъ заключить перемиріе, по которому германскія части должны были отойти на западъ отъ Риги до ливійскаго Миссы на поль-пути между Митавой и Ригой. Балтійскій же ландесверъ, впредь до разрѣшенія его судьбы, былъ отведенъ и сосредоточенъ въ Туккумѣ.

Лишь послѣ этого и послѣ того, какъ всѣ временныя учрежденія городского управленія были эвакуированы изъ Риги, войска Замитана и эстонцы торжественно вступили въ городъ. Порядокъ, поддержанный до тѣхъ поръ совмѣстно латышскими войсками Баллода и 2-мъ батальономъ русскаго отряда, нигдѣ не былъ нарушенъ.

По договору, заключенному между балтійскимъ командованіемъ и эстонцами, балтійскій ландесверъ долженъ былъ быть очищенъ отъ всѣхъ чиновъ германской службы и командованіе перешло къ англійскому полковнику Александру.

По окончаніи переформированія ландесверъ изъ Туккума былъ отправленъ на противобольшевическій фронтъ у Крейцбурга, откуда, принимая участіе во всѣхъ боевыхъ дѣйствіяхъ, продвинулся совмѣстно съ латышами и поляками до линіи Рѣжица-Люценъ-Двинскъ, въ такъ называемой Летгалліи.

Лишь въ февралѣ 1920 г. ландесверъ, какъ таковой, былъ расформированъ, англійскій полковникъ Александръ уволенъ и ландесверъ переименованъ въ 13-й Туккумскій полкъ подъ командою латышскихъ офицеровъ.

Германцы, отступивъ отъ Риги, укрѣпились на линіи рѣчки Миссы и рѣки Курляндская Аа до Шлока. Между германскими и латышскими передовыми постами лежала нейтральная зона. Для проѣзда изъ Риги въ Митаву и обратно требовалось на каждый разъ разрѣшеніе, какъ германскихъ, такъ и латышскихъ властей. Поѣзда между этими городами не ходили вовсе. Въ Ригѣ уже лѣтомъ постоянно распространялись тревожныя слухи о предстоящемъ наступленіи нѣмцевъ на Ригу.

Пока происходили всё эти событія, въ іюнѣ силы русскаго отряда стали быстро расти. Изъ Германіи и изъ Польши, гдѣ была организована цѣлая система вербовки и отправки русскихъ военно-служащихъ, еженедѣльно прибывали пополненія. Вслѣдствіе этого роты могли быть переименованы въ батальоны. Сила батальоновъ была: 1-й бат. — 800 штыковъ, 2-й — 400 штыковъ, а 3-й — 300 штыковъ. Кромѣ того сформированъ стрѣлковый дивизионъ изъ 250 спѣшевыхъ кавалеристовъ. При отрядѣ имѣлся эскадронъ въ 100 коней, одна 4-хъ орудійная полевая и такая же гаубичная батарея, броневой взводъ съ однимъ броневикомъ и авіаціонный отрядъ съ тремя аппаратами. Сформированъ былъ кадръ желѣзнодорожнаго батальона и бригада по эксплуатаціи жел. дорогъ. Всего отрядъ разросся до 3500 человекъ.

Прибыли также изъ Германіи полковники Бермондъ и Вырголичъ съ предложеніемъ сформировать собственные отряды съ подчиненіемъ высшему командованію начальника русскаго отряда. Формированіе этихъ отрядовъ происходило въ Митавѣ. Полковникъ Бермондъ далъ своему отряду названіе отряда имени Графа Келлера. По своимъ принципамъ формированія Бермондъ расходился съ принципами, принятыми въ русскомъ Либавскомъ отрядѣ. Между тѣмъ, какъ въ послѣднемъ штаты штабовъ были сокращены до минимума, въ отрядѣ принимались офицеры исключительно русской службы и то съ большимъ разборомъ, тыловыя учрежденія были доведены до минимальныхъ размѣровъ и всё пополненія по полученіи обмундированія немедленно отправлялись на фронтъ, гдѣ вливались въ строевыя роты, полковникъ Бермондъ считалъ цѣлесообразнымъ начать съ формированія многочисленныхъ штабовъ, принималъ добровольцами, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ германской службы, русскихъ же офицеровъ принималъ безъ всякаго разбора, гонясь за количествомъ въ ущербъ качества, и полагалъ, что формированія должны производиться всё въ глубокомъ тылу до момента, когда отрядъ разрастется въ крупную единицу. Благодаря такой системѣ формированіе отряда не было закончено лѣтомъ, въ періодъ, когда климатическія условія могли бы позволить предпринять наступленіе на большевиковъ, хотя номинальная сила отряда уже дошла въ августѣ до 4-хъ или 5000 человекъ.

Тоже самое слѣдуетъ сказать о полковникѣ Вырголичѣ, который, начавъ формирование въ Митавѣ, продолжалъ его въ Шавляхъ. Сила его отряда была не болѣе 1500 человекъ.

Всѣ три отряда, а именно Либавскій (Ливенскій), 2) имени Графа Келлера (Бермонда) и 3) полковника Вырголича объединились въ одинъ западный корпусъ сѣверо-западной добровольческой арміи. Штабъ корпуса началъ въ іюлѣ формироваться въ Митавѣ.

Но организація корпуса еще не была доведена до конца, когда 9 Іюля получено было отъ генерала Юденича письменное приказаніе о немедленномъ переводѣ на Нарвскій фронтъ всего отряда по очищеніи его отъ германофильскихъ элементовъ. Первый Ливенскій отрядъ, не имѣя въ своихъ рядахъ германцевъ, могъ быть весьма быстро отправленъ на сѣверъ, требовалось лишь около 10 дней для приведенія матеріальной части въ исправность. Но тутъ, къ удивленію всѣхъ, было получено изъ Либавы извѣстіе, что распоряженіемъ ген. Гоффа первый и 3-й батальоны безъ обозовъ и безъ артиллеріи и безъ приказанія командующаго отрядомъ послѣшно были посажены на англійскій транспортъ и отправлены въ Нарву. Трудно объяснить себѣ эту послѣшность, связанную съ безтактностью ген. Гоффа, иначе, какъ его желаніемъ скорѣе освободить Либаву отъ присутствія весьма популярнаго въ городѣ русскаго отряда. Эта безцеремонность вызвала сильное броженіе среди всѣхъ чиновъ отряда и повліяло на настроеніе въ весьма отрицательномъ смыслѣ.

Полковникъ Бермондъ и Вырголичъ отказались исполнить приказаніе Юденича перейти на Нарвскій фронтъ, если союзники не пожелаютъ гарантировать полученіи отъ союзниковъ снабженія, снаряженія и довольствія въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ это получалось до тѣхъ поръ отъ германцевъ. Такъ какъ союзныя миссіи отказались отъ выдачи такого обязательства, то эти два отряда остались въ Курляндіи. Они были затѣмъ исключены изъ состава добровольческаго корпуса и только штабъ корпуса вмѣстѣ съ командиромъ прослѣдовали съ однимъ изъ эшелоновъ Ливенскаго отряда въ Нарву.

Здѣсь отрядъ былъ переименованъ въ дивизію, а именно въ 5-ую (Ливенскую). Батальоны переименованы въ полки, получившія слѣдующія наименованія:

1) 17-й Либавскій	(1 Ливенскій полкъ)		850	штыковъ.
2) 18-й Рижскій	(2-й „ „)		450	„
3) 19-й Полтавскій	(3-й „ „)		350	„
4) Стрѣлковый дивизионъ			250	„
	Тяжелыхъ орудій		2	„
	Легкихъ „		6	„
	Броневиковъ		2	„

Исполняющимъ должность Начальника дивизіи въ виду выбытія вслѣдствіе раненія начальника отряда, назначенъ былъ полк. Дыдеровъ, беззавѣтно храбрый, преданный своему дѣлу, безупречной честности офицеръ, пользовавшійся искреннимъ довѣріемъ всѣхъ чиновъ бывшаго отряда.

Чтобы правильно понять всѣ событія, происходившія въ это время въ Прибалтикѣ, надо уяснить себѣ тѣ силы, которыя вліяли на ходъ событій въ этомъ краѣ въ теченіе этого года. До заключенія Германіей общаго перемирія, единственнымъ вліяніемъ здѣсь было германское. Казалось, что край такъ или иначе связанъ съ судьбою германской имперіи. Только немногіе, болѣе дальновидные, сомнѣвались въ побѣдѣ германцевъ и предвидѣли, что при возстаповленіи Россіи вопросъ о Прибалтикѣ будетъ подлежать пересмотру.

Положеніе рѣзко измѣнилось, когда, послѣ германской революціи и развала фронта, германское правительство наскоро организовало двѣ новыя республики: Эстонию и Латвію, и передало наскоро сформированнымъ правительствамъ этихъ республикъ соответствующія территоріи. Все это дѣлалось подъ давленіемъ событій на фронтѣ съ такою поспѣшностью, что объ упрядоченіи условій будущей политической и экономической организаціи и рѣчи быть не могло. Эстонія уже съ декабря 1918 г. была отрѣзана отъ германскаго вліянія вторгнувшимися въ Латвію большевиками, а сама Латвія не успѣла организовать, когда правительству пришлось бѣжать изъ Риги. Въ той и другой республикѣ власть перешла къ партіи, національно-шовинистически настроенной, что прежде всего въ Эстоніи отразилось тяжело на помѣстномъ дворянствѣ, земли коего были націонализированы. Въ Латвіи благодаря военнымъ событіямъ обостреніе отношеній началось позже и не приняло такого крайняго характера, какъ въ Эстоніи.

Вскорѣ въ Балтійскомъ морѣ появились союзныя флоты и вліяніе Антанты въ особенности же Англіи сдѣлалось рѣшающимъ факторомъ на Балтійскомъ побережьи.

Только явная опасность большевистскаго продвиженія заставила державы согласія допустить до поры, до времени дальнѣйшее пребываніе германскихъ войскъ въ Курляндіи.

Съ атого момента всѣ дальнѣйшія событія станутъ понятными, если смотрѣть на нихъ, какъ на продолженіе состязанія между Антантой и Германіей на бывшей русской территоріи. При этомъ, борьба съ большевизмомъ является лишь предлогомъ для

тѣхъ или иныхъ мѣрѣ. Державами согласія опасность большевизма была недооцѣнена, германская же опасность переоцѣнивалась и внушала больше опасеній, чѣмъ угроза большевиковъ.

Германцы же, со своей стороны, боролись съ большевиками только постолько, поскольку послѣдніе представляли угрозу восточнымъ границамъ германскаго государства. Поэтому они не брезговали пользоваться большевиками тамъ, гдѣ они могли непосредственно или косвенно нанести вредъ державамъ согласія.

Одинъ высокопоставленный германскій генералъ объяснилъ это откровенно одному русскому офицеру генеральнаго штаба и прибавилъ, что онъ, къ своему великому сожалѣнію, поставленъ въ необходимость вести дѣло такъ, чтобы его правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая.

Одинъ изъ высшихъ офицеровъ германской оккупаціонной арміи объяснилъ, что германскіе патріоты въ виду невыполнимости условій мира, предлагаемыхъ Германіи, согласны были бы впустить въ страну большевиковъ; конечно, прибавилъ онъ, большевики разорили бы Германію, но несомнѣнно заразили бы и государства Согласія, причѣмъ вредъ, нанесенный послѣднимъ, настолько превосходилъ бы вредъ, нанесенный Германіи, что послѣдняя могла бы политически и экономически возродиться раньше другихъ и вновь взять на себя руководящую роль въ Европѣ.

Одно стало теперь ясно всѣмъ русскимъ патріотамъ, а именно, что при такихъ взглядахъ на положеніе, какъ державъ Согласія, такъ и Германіи, интересы Россіи обязательно должны будутъ страдать. Несомнѣнно, изъ всѣхъ странъ Германія была та, которая для собственнаго благополучія была наиболѣе заинтересована въ воцареніи единой Россіи, но при этомъ она бдительно слѣдила, чтобы это воцареніе не случилось съ помощію союзниковъ бывшей царской Россіи. Изъ этого станеть ясно то недоброжелательство, которое Германія обнаруживала къ тѣмъ русскимъ арміямъ, которыя боролись съ большевиками при поддержкѣ въ той или иной мѣрѣ союзниками. Германія неоднократно предлагала русскимъ свою помощь, но при создавшейся политической обстановкѣ это означало для Россіи отказъ отъ поддержки союзниками, а на это анти-большевистская Россія, считавшая, что она союза съ державами не нарушала и что союзъ еще въ силѣ, идти не могла. Русскіе патріоты надѣялись, что большевистская опасность заставитъ государства Согласія и Германію найти общую почву для общей борьбы съ все болѣе угрожающимъ мировымъ пожаромъ. Русскіе патріоты, которые не были ни антантофилы, ни германофилы, а просто русскими, надѣялись именно на совмѣстную работу всѣхъ въ борьбѣ противъ большевизма для спасенія всего міра. Но къ сожалѣнію, союзническая политика по отношенію къ Россіи была неопредѣленная и мѣнялась въ зависимости отъ обстоятельствъ. Вѣрнѣе можно сказать, что союзнической политики по отношенію къ Россіи вовсе не было, а была политика той или иной страны, или выражаясь точнѣе, того или иного военнаго или дипломатическаго представителя одной изъ союзныхъ странъ. Нерѣдко случалось даже, что политика дипломатовъ расходилась съ политикой военныхъ одной и той же миссіи. Какъ общее правило можно сказать, что отношеніе военныхъ представителей союзныхъ миссій было болѣе благосклонное къ русскому вопросу, чѣмъ отношеніе дипломатовъ, въ особенности, если эти военные анали лично дореволюціонную Россію и ея старую армію.

На отношеніе союзныхъ миссій къ вопросу воссозданія Россіи всегда вліяли тѣ или иныя событія, какъ то: выступленія у себя дома социалистическихъ партій, забастовки или угрозы забастовокъ и успѣхъ или неуспѣхъ совѣтской красной арміи. На вопросъ вооруженнаго вмѣшательства вліяло также чувство неувѣренности въ возможности пустить въ дѣло войска, утомленныя войною. Этимъ объясняется, что

обѣщанія, данныя одинъ день, на другой же день брались обратно, снабженіи, обѣщанныя къ извѣстному сроку, не приходили, или приходили съ запазданіемъ или приходили въ пегодномъ состояніи. Напримѣръ, аэропланы, присланные въ Сѣверо-западную армію, прибыли съ неподходящими къ этимъ аппаратамъ моторами, танки, кромѣ одного исправнаго, всѣ прибыли въ такомъ состояніи, что не могли быть во-время пущены въ дѣло.

Нельзя отрицать факта, что среди представителей союзныхъ миссій было много горячихъ друзей Россіи и они болѣе другихъ страдали отъ чувства невозможности помочь своимъ русскимъ друаьямъ болѣе энергично, но какъ общее правило, конечно, надо сказать, что руководители союзной международной политики доказали, что они не были заинтересованы въ восстановленіи сильной Россіи, а наоборотъ были заинтересованы въ ослабленіи русскаго вліянія на Балтійскомъ морѣ. Такъ, напримѣръ, когда два русскихъ миноносца большевистскаго флота изъ Кронштадта передались англичанамъ, то они передали суда эстонцамъ. Это такъ оалобило русскихъ, что уже другіе суда большевистскаго флота рѣшили не переходить къ такъ называемымъ бѣлымъ, хотя этотъ переходъ уже былъ подготовленъ. Въмѣсто того, чтобы облегчить переходъ, англичане удивительно лихимъ налетомъ быстроходными моторными лодками атаковали стоявшія на Кронштадскомъ рейдѣ суда русскаго большевистскаго флота и попытались его уничтожить. Ясно, что въ интересахъ русской арміи было не уничтоженіе цѣннаго русскаго флота, а облегченіе его перехода, чѣмъ былъ бы предрѣшенъ и вопросъ о взятіи Петрограда.

Когда русскими былъ возбужденъ вопросъ о полученіи отъ англичанъ разрѣшенія временно соадать въ Либавскомъ военному порту базу для пополненій, предназначенныхъ для Сѣверо-западной арміи, то англійская миссія генерала Гоффа поторопилась ускорить отправку въ Нарву русскихъ частей, стоявшихъ въ Либавѣ, даже съ нарушеніемъ основнхъ правилъ приличія, передавъ русскимъ батальонамъ приказаніе груантаться помимо ихъ прямого начальства.

Всюду, гдѣ усиливалось на балтійскомъ побережьи русское вліяніе, англійская дипломатія принимала мѣры для ослабленія его. Французы и, въ особенности, американцы относились благосклоннѣе къ русскому вопросу и они это, гдѣ могли, горячо доказывали, но вліяніе ихъ въ балтійскомъ районѣ было ограниченное.

Много близорукости союзники проявили въ исторіи съ генераломъ графомъ фонъ-деръ Гольцемъ и русскимъ полковникомъ Бермондомъ. Еще въ іюлѣ 1919 года, когда Ливенскій отрядъ былъ переправленъ изъ Курляндіи къ Юдевичу въ Нарву, а Бермондъ остался въ Митавѣ, можно было легко заставить его съ его русскими частями перейти на сѣверъ, обезпечивъ его изъ средствъ союзниковъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ его до тѣхъ поръ обезпечивали нѣмцы. Сила послѣднихъ состояла именно въ томъ, что они фактически выдавали довольствіе, снаряженіе и все необходимое частямъ, между тѣмъ какъ союзники отъ словъ не переходили къ дѣлу.

Близоруко также было отношеніе союзныхъ миссій къ вопросу о принятіи небольшого количества германскихъ добровольцевъ въ русскіе отряды.

Гольцъ, по настоянію Верховнаго Совѣта въ Парижѣ, былъ отозванъ изъ Курляндіи и въ его отсутствіи произошелъ въ концѣ августа военный мятежъ среди германскихъ добровольцевъ, требовавшихъ для себя исполненія обязательства относительно отвѣденія имъ земель для поселенія въ Курляндіи. Отъ этого возставія пострадали тѣ небольшія латышскія части, которыя находились въ Митавѣ и которыхъ добровольцы, пользуясь случаемъ, ограбили.

Очевидно, какъ Латвійское Правительство, такъ и союзныя миссіи въ Ригѣ съ все возрастающимъ недовѣріемъ относились къ Гольцу и Бермонду, передовые посты

которыхъ стояли лишь въ 20 верстахъ отъ Риги. Но справиться съ ними никто не могъ бы, если бы Бермондъ самъ не далъ повода къ вооруженному столкновению.

Это неопредѣленное и чреватое послѣдствіями положеніе въ Латвіи не могло не отразиться невыгодно и на русскомъ сѣверо-западномъ фронтѣ.

Какъ выше было упомянуто, въ февралѣ 1919 года ген. Родзянко отправился изъ Либавы въ Ревель, гдѣ взялся за переформированіе и организацію бывшей Псковской арміи полк. Нефа. Съ помощью русскихъ, эстонцамъ удалось до мая всю свою территорію очистить отъ большевиковъ и къ началу лѣта русскія части стояли уже въ предѣлахъ Петроградской губерніи на позиціяхъ впереди Нарвы. Большую заслугу имѣлъ въ это время Балаховичъ, со своимъ отрядомъ постоянно тревожившій большевиковъ удалыми набѣгами на нихъ.

Фронтъ этотъ официально былъ подчиненъ ген. Юденичу, но послѣдній сидѣлъ въ Гельсингфорсѣ и на ходъ событій Эстонскаго фронта имѣлъ самое незначительное вліяніе. Вокругъ Юденича собралась масса русскихъ офицеровъ, изъ которыхъ онъ намѣревался сформировать кадры для русской арміи, долженствовавшей съ помощью Финляндіи начать одновременно съ арміей Родзянко наступленіе на Петроградъ.

Переговоры между русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ С. Д. Сазоновымъ и финляндскимъ правительствомъ и генераломъ Маннергеймомъ затянулись и не достигли своей цѣли. Въ іюнѣ ген. Маннергеймъ подалъ въ отставку и надежда на выступленіе Финляндіи исчезла. Генераль Юденичъ со штабомъ въ іюлѣ переѣхалъ въ Нарву.

Но уже до его прибытія армія Родзянко въ концѣ мая и началѣ іюня предприняла наступленіе на Ямбургъ и восточнѣе его. Псковъ тоже былъ очищенъ отъ большевиковъ. Одновременно произошло на Красной Горкѣ 12 іюня возстаніе, ингерманландцы подъ руководствомъ финскихъ офицеровъ присоединились къ движенію, но благодаря обстоятельствамъ, судить о которыхъ еще рано за неимѣніемъ всего матеріала, это выступленіе кончилось ничѣмъ. Единственнымъ плюсомъ для сѣверо-западной арміи надо отмѣтить присоединеніе къ ней всего гарнизона Красной Горки, силою въ 6500 человекъ, который послѣ 52 часоваго обстрѣла большевистскимъ флотомъ, не получивъ во-время ожидаемой помощи извнѣ отъ англійскаго флота съ моря и отъ арміи Родзянко съ суши, отошелъ отъ приведеннаго въ негодность форта къ сѣверо-западной арміи.

Генераль Юденичъ, по прибытіи въ Нарву, нашелъ положеніе чрезвычайно запутаннымъ. Съ одной стороны, онъ находился въ полной зависимости отъ союзниковъ, которые при малѣйшемъ расхожденіи съ ними во взглядѣ, грозили прекратить снабженіе, съ другой стороны, онъ, какъ и армія, всецѣло зависѣлъ отъ эстонцевъ, обозленныхъ тѣмъ, что русское правительство имени Колчака не желало признать ихъ независимости. Наконецъ, въ самой арміи Юденичъ, какъ совсѣмъ ей чужой, не пользовался ни довѣріемъ, ни авторитетомъ, психологическій же моментъ играетъ въ добровольческой арміи гораздо болѣе рѣшающую роль, чѣмъ въ войскахъ регулярной арміи. Къ этому надо прибавить еще массу интригъ, явныхъ и подпольныхъ, среди высшаго команднаго состава и ихъ многочисленныхъ штабовъ.

Снабженіе арміи было самое плачевное. О теплой пищѣ уже давно не было помина. Единственное, что выдавалось, это было 2 фунта американскаго бѣлаго хлѣба и полъ фунта американскаго же сала. Жалованіе не было выдано за два и за три мѣсяца. Можно ли удивляться тому, что при такихъ обстоятельствахъ армія, перешедшая къ позиціонной войнѣ, начала грабить на мѣстахъ, чѣмъ, конечно, возбуждала противъ себя непріязненные чувства населенія, еще недавно встрѣчавшаго восторженно бѣлую армію, какъ освободительницу отъ ига большевиковъ.

Снабженіе, обѣщанное еще въ іюнѣ англичанами, все не прибывало и настроеніе, конечно, падало, въ особенности когда въ серединѣ іюля изъ Либавы прибылъ первый эшелонъ ливенцевъ, великолѣпно одѣтыхъ, обутихъ и снаряженныхъ изъ германскихъ источниковъ и получавшихъ, какъ всѣмъ было извѣстно, свое жалованіе совершенно правильно 1-го, 11-го и 21-го числа каждаго мѣсяца. Контрастъ между ними и войсками, снабженными союзниками, говорилъ не въ пользу послѣднихъ; англичане поняли это и черезъ 10 дней послѣ прибытія ливенцевъ прибылъ 5 августа первый пароходъ съ оружіемъ и снаряженіемъ.

Во всѣхъ распоряженіяхъ англійскихъ представителей чувствовалась сильная нервность подѣ влияніемъ страха передъ усиленіемъ германскаго вліянія. Эта нервность особенно рельефно выразилась въ приказаніи генерала Марча, переданномъ ген. Юденичу въ ультимативной формѣ о сформированіи въ Ревелѣ сѣверо-западнаго русскаго правительства, причемъ данъ былъ списокъ лицъ, долженствовавшихъ войти въ составъ правительства съ угрозой, что если это правительство не будетъ сформировано въ теченіе 40 минутъ, то всякая поддержка русской арміи будетъ немедленно прекращена. Такъ создано сѣверо-западное русское правительство Ліанозова.

Видя такое безвыходное положеніе Юденича, и эстонцы стали обращаться съ нимъ все съ большимъ нахальствомъ. Былъ даже такой случай, что вагонъ генерала Юденича, вызваннаго англичанами въ Ревель на совѣщаніе, распоряженіемъ мѣстнаго эстонскаго коменданта былъ отцѣпленъ отъ поѣзда на ст. Нарва. Эстонская армія, за исключеніемъ нѣсколькихъ хорошихъ полковъ на фронтѣ, недоброжелательно, даже враждебно смотрѣла на русскихъ и устраивала имъ, гдѣ могла, непріятности. Довѣрія не было никакого. Благодаря ненадежности эстонскихъ частей, въ концѣ августа нами былъ потерянъ Псковъ. За нѣсколько дней до того уже, Ямбургъ былъ занятъ большевиками.

Положеніе арміи было весьма стѣсненное на небольшой территоріи Гдовскаго и Ямбургскаго уѣздовъ съ угрозой справа отъ Пскова, съ Чудскимъ озеромъ въ тылу, съ моремъ на лѣвомъ флангѣ и съ эстонцами въ Нарвѣ и за рѣкой Наровою. Какъ штабъ главнокомандующаго въ Нарвѣ, такъ и правительство Ліанозова въ Ревелѣ находились на территоріи республики Эстоніи.

Настроеніе сразу поднялось, когда въ сентябрѣ стало обильно прибывать отъ англичанъ снабженіе и жалованіе было выдано въ денежныхъ знакахъ сѣверо-западнаго правительства. Армія обулась, одѣлась и вооружилась. Съ громаднымъ подъемомъ духа армія перешла 28 сент. въ частичное, а 10 октября въ общее наступленіе. Уже черезъ нѣсколько дней Луга, Гатчино, Красное Село, а затѣмъ и Царское Село были въ нашихъ рукахъ. Казалось, что взятіе Петрограда неминуемо съ часу на часъ. Въмѣсто того, армія принуждена была начать отступленіе. Ея лѣвый флангъ былъ обойденъ благодаря тому, что онъ не былъ должнымъ образомъ обезпеченъ эстонцами и англійскимъ флотомъ. Правый флангъ у Царскаго Села попалъ въ тяжелое положеніе благодаря тому, что вслѣдствіи недостиженія нашими частями ст. Тосно на Николаевской жел. дор. Троцкій со свойственной ему энергіей сумѣлъ подвезти наскоро громадныя красныя резервы. Взятіе Гдова большевиками явилось серьезной угрозой глубокому тылу. Неисправление моста чрезъ Лугу у Ямбурга, взорваннаго еще въ августѣ нами же, имѣло катастрофическое вліяніе на невозможность организовать подвозъ всего необходимаго для арміи.

Словомъ, все казалось сложилось такъ, что армія должна была погибнуть. Ей удалось еще вырваться изъ охвата большевиковъ, но дни ея были сочтены.

Въ январѣ 1920 года эстонцы начали мирныя переговоры съ большевиками. Сѣверо-западная армія была оттѣснена въ Эстонію, гдѣ ее преслѣдовали, оскорбляли

и разоружали. Дошло до ареста самого Юденича, котораго только спасло энергичное вмѣшательство французскаго военнаго представителя.

Русскихъ начали убивать на улицѣ, заперать въ тюрьмы и концентраціонные лагеря, вообще притѣснять всякими способами. Съ бѣженцами изъ Петроградской губ., число коихъ было болѣе 10 000, обращались хуже, чѣмъ со скотомъ. Ихъ заставляли сутками лежать при трескучемъ морозѣ на шпалахъ желѣзной дороги. Масса дѣтей и женщинъ умерло. Всѣ переболѣли сыпнымъ тифомъ. Средствъ дезинфекціи не было. Врачи и сестры при такихъ условіяхъ также заражались и умирали. Вообще картина бѣдствія такова, что если бы это случилось съ армянами, а не съ русскими, то вся Европа содрогнулась бы отъ ужаса. Американскій и датскій Красные Кресты дѣлали, что могли, но помочь въ крупныхъ размѣрахъ никто не могъ. Кто былъ крѣпокъ — выдержалъ, остальные померли. Началась ликвидація. Начальство уѣхало. Ликвидационная Комиссія сдѣлала, что могла, но судьба героевъ бывшей сѣверо-западной арміи еще не опредѣлилась и они понемногу разсѣивались по всѣмъ странамъ свѣта. Значительная часть однако находится еще въ неимоверно тяжелыхъ условіяхъ въ Эстоніи и долгъ чести былъ бы для нашихъ союзниковъ совместно съ бывшимъ русскимъ высшимъ командованіемъ обезпечить имъ эвакуацію въ какую нибудь страну, гдѣ герои неимоверно тяжелаго похода нашли бы возможность для дальнѣйшаго существованія для себя и своихъ семей.

Не мѣсто здѣсь разбираться въ причинахъ, приведшихъ къ этому печальному результату. Критика событій можетъ быть цѣнной только, если она безпристрастна, а для этого нужно имѣть въ рукахъ матеріалы, которые сейчасъ еще недоступны. Но, что уже теперь можно сказать, это, что вину нельзя сваливать на одного, а что мы должны принять во вниманіе стеченіе всѣхъ обстоятельствъ. Конечно, очень сомнительную роль при наступленіи на Петроградъ сыграли эстонцы, въ особенности, тѣмъ, что они не обезпечили лѣваго фланга и не сумѣли вести переговоровъ съ гарнизономъ Красной Горки. Только уже при отступленіи присутствіе ихъ на лѣвомъ флангѣ спасло армію отъ охвата съ этой стороны.

Отсутствіе англійскаго флота, задача коего былъ обстрѣлъ Кронштадта и Красной Горки и обезпеченіе лѣваго фланга арміи отъ десантовъ съ моря, имѣло катастрофическія послѣдствія. Отсутствіе его объясняется тѣмъ, что онъ былъ отозванъ для участія въ оборонѣ Риги отъ наступленія Бермонда.

Почему Бермондъ рѣшился выступить, вообще, и въ данный моментъ въ особенности, конечно, всегда останется загадочнымъ. Еще за мѣсяць до наступленія на Петроградъ ген. Юденичъ былъ лично въ Ригѣ и вызывалъ къ себѣ Бермонда, но Бермондъ къ нему не явился, послѣ чего Юденичъ его объявилъ измѣнникомъ русскаго дѣла.

Полковникъ Бермондъ, называвшій самъ себя также княземъ Аваловымъ, былъ человекомъ весьма тщеславнымъ и воображалъ, что можетъ идти противъ большевиковъ только во главѣ собственной арміи, которой онъ далъ наименованіе западной добровольческой. Германцы и, въ особенности, ген. графъ ф. д. Гольцъ, великолѣпно учитывая эту черту его характера, сумѣли воспользоваться ею, чтобы уговорить его предпринять наступленіе на Ригу съ русскими его войсками именно въ то время, когда Юденичъ началъ свое наступленіе на Петроградъ. Въ германскихъ интересахъ, какъ ихъ понимали германскіе военные, лежало, чтобы наступленіе Юденича не удалось, т. е. освобожденіе Петрограда съ помощью союзниковъ означало бы укрѣпленіе ихъ вліянія въ столицѣ, а слѣдовательно и въ организаціи будущаго русскаго правительства. Можно поэтому предполагать, даже если этого нельзя доказать документально, что Бермондъ сознательно или безсознательно (это безразлично) дѣйствовалъ въ интересахъ германской политики во вредъ интересамъ Россіи. Почему его правительство, во главѣ

котораго стоялъ человѣкъ безупречной честности, несомнѣнно преданный Россіи, сенаторъ графъ К. К. Паленъ, тоже пошло по тому же пути, можно объяснить лишь непониманіемъ общаго положенія, политической близорукостью и слишкомъ большимъ довѣріемъ къ полководческимъ талантамъ Бермонда.

Но вина лежитъ также и въ общемъ руководствѣ, гдѣ чувствовался недостатокъ сильной воли. Нельзя не упомянуть о пеладахъ и интригахъ среди высшаго команднаго состава и ихъ штабовъ. Снабженіе арміи, когда она быстро продвигалась, технически было плохо налажено въ особенности благодаря отсутствію желѣзнодорожнаго моста у Ямбурга. Конечно, и дисциплина въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи была не на должной высотѣ и вообще къ арміи примкнуло масса элементовъ нравственно нечистыхъ, запачкавшихъ своими дѣйствіями доброе имя арміи. Но честь героямъ, положившимъ за высокую идею возсозданія Россіи свою жизнь. Могилы ихъ въ Красномъ Селѣ и Гатчинѣ громко говорятъ объ этихъ богатыряхъ, которые носили съ честью бѣлый крестъ на рукавѣ, являлись истинными идейными крестопосцами, положившими жизнь свою, чтобы освободить родную землю отъ господства преступныхъ изверговъ человечества — коммунистовъ и ихъ споспѣшниковъ и наймитовъ. Честь всѣмъ героямъ этого похода, которые вновь доказали, къ чему способенъ русскій солдатъ при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, его окружающихъ. Но стыдъ и срамъ тѣмъ, которые въ минуты общаго подъема опозорили имя добровольческой сѣверо-западной арміи и осквернили тотъ крестъ, которымъ армія гордится. Да пойметъ, наконецъ, будущая Русь, что противъ изверговъ и преступниковъ, какими являются вожаки коммунистовъ, можно бороться лишь съ чистыми руками, доказывая не словами, а дѣломъ, что идейные крестопосцы приходятъ единственно для того, чтобы сломить ту нечистую антихристіанскую силу, которая временно восторжествовала на Руси. Побѣда надъ большевиками изъ побѣды военной должна обратиться въ побѣду нравственную; пока этого не будетъ, никакія военныя побѣды, какъ бы блестящи онѣ ни были, не дадутъ Россіи того возрожденія, ради котораго ведется братоубійственная война.

Результатъ неудачной борьбы съ большевиками въ 1919 году означаетъ для Россіи дальнѣйшее расчлененіе ея, усиленіе новыхъ окраинныхъ государствъ, распространеніе власти совѣтовъ на всю русскую территорію отъ Бѣлаго и Балтійскаго морей до Чернаго и Каспійскаго и укрѣпленіе въ Россіи системы, приводящей страну къ полному истощенію ея благосостоянія.

Для Западной Европы успѣхъ большевиковъ означаетъ усиленіе крайне-лѣвыхъ революціонно настроенныхъ партій, тормозящихъ постоянными забастовками возвращеніе народовъ послѣ войны къ нормальной жизни. Если оцѣнить убытки уже понесенные Западной Европой и еще предстоящія ей, то ясно будетъ, что даже съ дѣловой точки зрѣнія выгодно было бы истратить своевременно хотя бы и крупныя суммы на побѣдную борьбу съ большевизмомъ въ Россіи, чѣмъ дать большевической заразѣ въ Европѣ принять затяжной характеръ.

Для Россіи, быть можетъ, этотъ печальный исходъ окажется цѣлебнымъ. Русскіе патріоты поймутъ, наконецъ, что противъ крайнихъ элементовъ коммунизма нельзя бороться во имя какихъ нибудь расплывчатыхъ неопредѣленныхъ либеральныхъ лозунговъ. Необходимо выдвинуть противъ анархіи лозунгъ сильной власти, а противъ антихристіанскаго социализма — лозунгъ христіанства. Послѣдній лозунгъ предполагаетъ высокій нравственный уровень русскихъ патріотовъ, и если послѣдняя година испытанія приведетъ Россію къ нравственному возрожденію на христіанскихъ началахъ, то можно будетъ сказать, что и это время не прошло безъ пользы для человечества и для Россіи.
